В КРОМЕШНОЙ ТЕМНОТЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Максим Бутенин

18+

2026

Максим Бутенин

В кромешной темноте

«Автор»
2026

Бутенин М.

В кромешной темноте / М. Бутенин — «Автор», 2026

Четырнадцатилетняя Мария выросла за укреплёнными стенами, веря, что там, где есть дом, семья и люди с оружием, можно чувствовать себя в безопасности. Но однажды привычный мир рушится. Нападение превращает её жизнь в кошмар, а впереди остаются лишь неизвестность, опасные дороги и отчаянная надежда найти родителей.В другом уголке этого безжалостного мира Маркус ведёт собственную борьбу. После пережитого ужаса он пытается спасти маленького Оливера, чья жизнь висит на волоске. За плечами — события, которые невозможно забыть. Впереди — люди, которым нельзя доверять, и решения, за которые, возможно, придётся расплачиваться до конца жизни.Это история о потерях и надежде, о любви и жестокости, о людях, которые продолжают искать свет даже тогда, когда вокруг остаётся одна темнота.Ведь самое страшное после конца света — не то, что стало с миром. А то, что стало с людьми.

© Бутенин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 18
Глава 3 41

Максим Бутенин
В кромешной темноте

Глава 1

Глава 1. Последствия

— Так больше нельзя… С этим нужно покончить.

Маркус произнёс эти слова настолько тихо, что едва расслышал собственный голос. Он сидел на холодном каменном полу, прислонившись спиной к влажной стене пещеры, и смотрел на старый револьвер, лежавший у него на коленях. Оружие было тяжёлым, с потёртой рукоятью и тусклым металлом барабана. Когда-то Маркус регулярно чистил его, проверял механизм и следил, чтобы патроны всегда оставались сухими. Теперь на корпусе виднелись следы грязи, а в кармане куртки лежал последний патрон, который он никак не решался вставить в барабан.

В пещере было сыро и холодно. Через узкий вход, наполовину скрытый корнями старого дерева, проникал тусклый вечерний свет. С потолка медленно капала вода. Она стекала по тёмным потёкам на камне и собиралась у дальней стены в мутную лужу. Маркус уже пытался набрать её, но вода пахла затхлостью, а прокипятить её было не в чем. Давать такую воду больному сыну он не решался. От земли поднимался тяжёлый запах мокрого камня и давно перегнившей листвы. Небольшой костёр возле входа почти догорел. Маркус несколько раз собирался подбросить в него веток, но каждый раз откладывал это на потом, словно даже такое простое действие требовало от него слишком больших усилий.

Он не помнил, когда в последний раз нормально спал. Несколько суток слились в одно бесконечное, мучительное существование, наполненное короткими переходами, голодом, страхом и беспокойными ночами. Иногда мужчина просыпался от собственного крика, не понимая, где находится. Ему казалось, что он снова лежит на земле, вокруг кричат люди, а где-то совсем рядом плачет Оливер. Тогда Маркус вскакивал, хватался за оружие и лишь спустя несколько секунд начинал различать очертания пещеры, догорающий костёр и маленькую фигуру сына под одеялом.

В нескольких шагах лежал его семилетний сын Оливер — единственный близкий человек, оставшийся у Маркуса после всего случившегося. Ребёнок сильно похудел за последние дни, и даже под плотной курткой угадывались острые плечи и тонкие руки. Его светлые волосы спутались, губы потрескались от жара и недостатка воды, а большую часть лица скрывала грязноватая медицинская повязка. На правой щеке, немного ниже края ткани, виднелся короткий порез, уже начавший покрываться тонкой корочкой. Рана была неглубокой, но Маркус ненавидел даже смотреть на неё: слишком отчётливо помнил, как она появилась.

Гораздо сильнее его пугало то, что скрывалось под бинтами. Повреждения глаз были настолько тяжёлыми, что мужчина до сих пор не мог заставить себя спокойно думать о них. В первые часы после бегства он несколько раз пытался обработать раны, но быстро понял, насколько мало способен сделать без необходимых лекарств и медицинских инструментов. Последующие перевязки превратились в мучительное испытание для них обоих. Оливер плакал от боли, Маркус старался действовать осторожно, не тревожить повреждённые ткани и не показывать собственного страха. Когда мальчик спрашивал, почему всё ещё ничего не видит, отец отвечал, что глазам нужно время. Сам он уже не был уверен, что время действительно способно что-нибудь исправить.

Сегодня сын почти не ел. Днём он ненадолго проснулся, попросил воды и снова погрузился в тревожный сон, изредка вздрагивая и тихо постанывая. Жар не спадал, а немногочисленные лекарства закончились ещё накануне. Маркус прикладывал ладонь к его лбу, чув-

ствовал горячую кожу и понимал, что должен действовать, но не представлял, куда идти. Они находились посреди незнакомого леса, далеко от поселений и дорог, а любое путешествие с больным ребёнком на руках могло оказаться последним.

Сам Маркус тоже едва держался на ногах. Две раны, полученные несколько дней назад, продолжали болеть: одна возле плеча, другая сбоку, немного выше поясницы. Обе были сравнительно неглубокими, однако постоянная ходьба и отсутствие нормального ухода мешали им заживать. Ещё хуже обстояло дело с головой. После сильного удара, которым его лишили сознания, периодически начиналось головокружение, а перед глазами появлялись тёмные пятна. Иногда мужчине приходилось останавливаться посреди дороги и прислоняться к дереву, чтобы не упасть вместе с сыном.

Он прекрасно понимал, насколько опасно их положение. Остатки еды могли закончиться уже завтра, воды оставалось на несколько глотков, а ночью температура в лесу опускалась настолько низко, что даже возле костра они не могли как следует согреться. Оставаться в пещере означало медленно ждать худшего, но идти дальше, не имея ни карты, ни ясного представления о ближайших населённых пунктах, казалось почти таким же безнадёжным решением.

Маркус достал из кармана патрон и некоторое время разглядывал его на ладони. Маленький металлический цилиндр был тёплым от тела. Мужчина не мог вспомнить, сколько раз за последние сутки доставал его, перекатывал между пальцами, прятал обратно и снова возвращался к этой мысли. Поначалу эта мысль казалась чудовищной, чуждой всему, во что он верил, и Маркус с отвращением гнал её прочь. Но после очередного приступа боли у Оливера, после нескольких бессонных ночей и бесплодных попыток облегчить страдания ребёнка отчаяние постепенно превратилось в опасную, извращённую уверенность, будто другого выхода больше не существует.

Ему казалось, что он уже проиграл. Не сумел защитить свой дом, не смог спасти жену, а теперь беспомощно наблюдал, как угасает единственный оставшийся у него человек. Он думал о том, сколько ещё боли предстоит пережить мальчику, и ненавидел себя за то, что не способен ничего изменить.

Маркус медленно вставил патрон в барабан. Металлический щелчок показался неожиданно громким, почти оглушительным среди ровного потрескивания углей и капель воды, падавших с потолка. Мужчина вздрогнул, оглянулся на сына и несколько секунд ждал, не проснётся ли тот. Оливер лишь немного повернул голову, пробормотал что-то неразборчивое и снова затих.

Маркус смотрел на него, чувствуя, как по небритым щекам начинают катиться слёзы. Перед ним лежал маленький мальчик, который ещё совсем недавно считал, что самое страшное на свете — это заблудиться во время прогулки или потерять любимую игрушку. Теперь он не мог увидеть лицо собственного отца, как и всё, что прежде его окружало. Мужчина попытался представить, что чувствовал бы сам, оказавшись в такой темноте, без возможности понять, что происходит вокруг, и не смог вынести этой мысли.

— Прости меня, малыш, — прошептал он, медленно поднимая оружие. — Пожалуйста, прости…

Ствол остановился напротив головы ребёнка.

Маркус зажмурился. Ему хотелось поверить, что он думает не о смерти, а об избавлении от страданий, но где-то глубоко внутри всё ещё оставалась часть его прежнего сознания, которая понимала истинный смысл происходящего. Он не совершал благородного поступка. Он стоял на краю бездны, куда его привели отчаяние, истощение и страх, и уже почти не понимал, где заканчивается страх и начинается его собственная воля.

Перед глазами неожиданно возникло лицо Оливии.

Не то, которое он видел в последние минуты её жизни. Совсем другое — живое, улыбающееся, с выбившейся из причёски каштановой прядью и маленькой родинкой возле губ. Она стояла на кухне их дома, прислонившись к столешнице, и смотрела на него с притворным неодобрением, потому что Маркус опять позволил Оливеру съесть сладкое перед ужином.

Это воспоминание оказалось таким ясным, что мужчина на мгновение почти почувствовал запах свежеиспечённого хлеба.

Когда-то у них действительно был дом.

Не временное убежище, не заброшенная постройка, где приходилось спать с оружием под рукой, а настоящий небольшой домик с двумя спальнями, кухней и узким деревянным крыльцом. Оливия любила оставлять занавески открытыми, чтобы утреннее солнце попадало прямо на обеденный стол. Маркус обычно ворчал, что свет мешает ему спать, а жена смеялась и отвечала, что человек, переживший конец света, должен научиться радоваться хотя бы тому, что солнце по-прежнему встаёт каждое утро.

Мир, в котором они выросли, давно перестал существовать. Маркус ещё помнил шум больших городов, автомобильные дороги, магазины, заполненные продуктами, и вечера, когда самым серьёзным поводом для беспокойства казался завтрашний рабочий день. Для Оливера всё это было почти сказкой. Мальчик родился после катастрофы и никогда не видел прежней цивилизации собственными глазами. Самолёты, торговые центры, кинотеатры и океанские лайнеры существовали для него лишь в рассказах родителей, которые он слушал с таким восхищением, словно речь шла о далёких, невероятных странах.

Однако его детство нельзя было назвать несчастливым. Маркусу и Оливии повезло найти небольшое, хорошо защищённое поселение, жители которого сумели сохранить остатки привычной жизни. В поселении выращивали овощи, ремонтировали старые генераторы, собирали дождевую воду, учили детей читать и писать, а по праздникам собирались вместе за длинными столами. Конечно, люди спорили, ссорились и иногда сталкивались с нехваткой припасов, но они всё ещё оставались соседями, а не чужаками, готовыми убить друг друга за банку консервов.

Именно там родился Оливер. Там он научился ходить, впервые назвал Маркуса папой и однажды разбил чашку, пытаясь самостоятельно налить матери чай. Оливия тогда долго смеялась, потому что мальчик не испугался разбитой посуды, а очень серьёзно сообщил, что теперь чашек стало меньше и придётся делать новые.

В гостиной их дома стоял большой деревянный ящик с игрушками, который Маркус смастерил после того, как в очередной раз наступил босой ногой на маленькую машинку. Оливер сразу объявил ящик своим гаражом и с тех пор относился к нему с чрезвычайной серьёзностью. Там хранились деревянные фигурки, несколько потрёпанных машинок, книжки с картинками и старый плюшевый медведь по имени Генри.

Почему игрушку звали именно так, никто не знал. Однажды мальчик просто представил её родителям как Генри, и Оливия, совершенно не выходя из роли, пожала медведю лапу, выразив радость по поводу знакомства. Маркус тогда рассмеялся, за что получил от сына строгое замечание: смеяться над новыми знакомыми невежливо.

В маленьком мире Оливера существовало множество подобных важных событий. Он знал каждую тропинку внутри поселения, помнил, где растёт самая вкусная клубника, и был уверен, что за большим холмом начинается почти волшебная страна, поскольку родители никогда не позволяли ему уходить туда одному. Маркус построил возле старой яблони качели, которыми мальчик гордился больше всех своих игрушек, а Оливия терпеливо объясняла сыну, почему деревья сбрасывают листья, откуда берётся дождь и почему некоторые птицы улетают на зиму.

Они старались дать ему обычное детство.

Не идеальное, не лишённое трудностей, но такое, в котором ребёнок имел право смеяться, задавать глупые вопросы, бояться темноты и мечтать о будущем. Маркус понимал, что рано или поздно сыну придётся узнать правду о мире за стенами поселения, однако надеялся, что до этого пройдёт ещё много лет. Он хотел сначала научить Оливера ловить рыбу, обращаться с инструментами, отличать съедобные растения от ядовитых. Хотел однажды показать ему старые дороги, рассказать, почему люди построили столько городов и как сумели всё потерять.

Оливия смотрела в будущее иначе. Она верила, что однажды люди снова начнут строить нормальную жизнь, откроют школы, восстановят дороги и перестанут бояться каждого незнакомого человека. Иногда её надежды казались Маркусу слишком смелыми, но он никогда не спорил с ней всерьёз. Ему нравилось слушать, как жена рассказывает о завтрашнем дне, будто это не неизвестность, полная опасностей, а место, до которого они обязательно доберутся вместе.

Особенно часто он вспоминал один летний вечер, когда они сидели на крыльце, а Оливер уже спал в своей комнате. Оливия положила голову ему на плечо и неожиданно попросила кое-что пообещать.

— Если со мной когда-нибудь что-нибудь случится, ты ведь позаботишься о нём? — спросила она.

Маркус тогда усмехнулся, решив, что жена снова слишком много думает о возможных неприятностях, но Оливия не улыбнулась. Она подняла голову и попросила ответить серьёзно.

— Я знаю, что ты любишь его. Просто иногда мне становится страшно от одной мысли, что он может остаться один. Он ещё такой маленький, Маркус. Для него мы с тобой — весь мир.

Он обнял её, поцеловал в висок и сказал, что ни при каких обстоятельствах не оставит сына. Маркус произнёс это легко, почти не задумываясь, потому что тогда сама возможность нарушить такое обещание казалась ему немыслимой.

Теперь его рука дрожала, удерживая револьвер напротив головы собственного ребёнка.

— Ты бы меня возненавидела, — прошептал он, чувствуя, как слёзы стекают по подбородку. — Господи, Оливия… Если бы ты сейчас меня увидела…

Последние дни мужчина постоянно возвращался мыслями к тому утру, когда всё закончилось. Ему казалось, что, если вспомнить каждую мелочь, каждое решение, каждый разговор, можно отыскать тот единственный момент, в котором ещё существовала возможность изменить происходящее.

Утро началось совершенно обычно. Оливер сидел за кухонным столом, болтал ногами и пытался убедить мать, что растущему человеку положено гораздо больше варенья, чем она собиралась дать. Оливия притворно нахмурилась, потребовала сначала доесть кашу и посмотрела на Маркуса, словно заранее предупреждая, чтобы тот не вмешивался.

Он помнил солнечный свет на полу, запах завтрака и то, как жена улыбнулась ему через стол. Помнил, что хотел сказать ей что-то приятное, но отвлёкся на шум за окном.

Потом прозвучал первый крик.

Дальнейшие события сохранились в его памяти обрывками. Выстрелы, беспорядочная беготня, люди, не понимавшие, откуда пришла опасность. За ограждением поселения поднимался дым, кто-то звал на помощь, а над улицами разносились чужие голоса. Маркус помнил, как схватил сына на руки, как Оливия побежала следом и как они отчаянно пытались добраться до места, которое считали безопасным.

Они не добрались.

В памяти остались грубые руки, чужие лица и тяжёлая дверь, закрывшаяся за ними с глухим металлическим звуком. В подвале, куда их бросили, было холодно и сыро. Маленькое окно находилось почти под потолком, и через него проникала узкая полоска света, по которой

Маркус пытался определять время суток. Иногда наверху раздавались шаги и смех, иногда кто-то кричал так отчаянно, что Оливия закрывала сыну уши, стараясь заглушить страшные звуки собственным голосом.

В плену они провели три дня. Маркус почти не помнил, когда им давали воду, сколько раз открывалась дверь и какие люди появлялись на пороге. Он помнил лишь, как Оливер дрожал, прижимаясь к матери, и как Оливия шептала мальчику сказки, хотя сама едва сдерживала слёзы. Каждый раз, когда сын спрашивал, когда они вернутся домой, Маркус обещал, что обязательно найдёт выход. Вначале он действительно верил в собственные слова, но постепенно эта уверенность исчезла, уступив место тяжёлому ощущению, что их судьба больше не зависит ни от чего, что они могут сделать.

Позже произошло нечто ещё более страшное, но об этом Маркус почти не позволял себе думать. Стоило памяти приблизиться к событиям последнего дня, как перед глазами возникали мучительно ясные, бессвязные картины: пыльная улица, окружённая толпой людей, чужие крики, холодная рукоять ножа в собственной ладони. Он помнил, как на одежде расползалось тёмное пятно крови, как сердце колотилось в груди и как где-то совсем рядом надрывался от плача Оливер. Иногда во сне ему слышался короткий металлический звон, будто на твёрдую землю упал нож. Тогда Маркус просыпался, задыхаясь, и долго не мог убедить себя, что всё уже произошло и изменить ничего невозможно.

Особенно страшными оставались воспоминания о последних минутах Оливии.

Он помнил, как бросился в её сторону, но внезапный удар по голове лишил его сознания. Когда Маркус очнулся, мир вокруг казался чужим и расплывчатым. Он не сразу понял, где находится, почему у него болит всё тело и откуда доносится детский плач. Затем увидел жену.

Оливия сидела на земле, прислонившись к стене, и держала на руках Оливера. Её одежда была пропитана кровью, лицо побледнело, но руки продолжали крепко обнимать ребёнка, словно она всё ещё пыталась заслонить его от опасности. Мальчик плакал, уткнувшись в её грудь, а раненое лицо было прикрыто тканью.

Маркус подполз к ним, пытаясь понять, что случилось за то время, пока он был без сознания. Он звал жену, спрашивал, может ли она встать, говорил, что им нужно уходить, что он обязательно найдёт помощь. Оливия смотрела на него, и в её взгляде было столько боли и усталости, что мужчина постепенно начал понимать правду, которую ещё не мог принять.

Она умирала.

Он осторожно коснулся её руки. Пальцы были тёплыми, и это почему-то заставило его поверить, что ещё не всё потеряно. Маркус пытался помочь ей подняться, поддерживал за плечи, обещал, что донесёт до леса, если она не сможет идти. Но Оливия уже почти не слышала его. Она лишь крепче прижала к себе сына и едва заметно пошевелила пальцами, когда Маркус снова взял её за руку.

Он никогда не забудет этого последнего движения.

Вокруг продолжали кричать люди, кто-то смеялся, кто-то отдавал приказы. Маркус помнил слова о пяти минутах, которые им предоставляли для бегства, и угрозу выпустить вслед охотничьих собак. Тогда всё это казалось чудовищной, бессмысленной игрой. Он не мог понять, почему их вообще решили отпустить, но ещё меньше понимал, как должен уйти, оставив Оливию.

Он смотрел на жену, пытаясь удержать её взгляд. Хотел сказать, что любит её, что она была лучшим, что случилось в его жизни, что он никогда не простит себе случившееся. Но слова застревали в горле, и всё, на что его хватило, — ещё раз коснуться её руки.

Затем он поднял Оливера.

Мальчик плакал и тянулся обратно к матери. Маркус прижимал его к груди, стараясь не задеть раненое лицо, и шёл, почти не чувствуя земли под ногами. Он не помнил первых шагов,

не помнил, как оказался за пределами поселения и сколько раз падал, пока добрался до леса. Но последний взгляд на Оливию сохранился в его памяти с мучительной ясностью.

Она больше не двигалась.

После этого Маркус словно прожил несколько дней в горячечном бреду. Он нёс сына, прятался в заброшенных строениях, искал воду и вздрагивал от каждого далёкого звука. Несколько раз ему казалось, что за ними действительно идут собаки. По ночам он просыпался от воображаемого лая, хватал Оливера на руки и только потом понимал, что вокруг никого нет. Возможно, преследователи быстро потеряли к ним интерес. Возможно, вообще не собирались выполнять свою угрозу. Но Маркус не мог знать этого наверняка и потому продолжал уходить всё дальше.

Теперь он находился в пещере, а его сын лежал перед ним, измученный болью и жаром.

Маркус открыл глаза. Воспоминания отступили, но чувство вины осталось, тяжёлое и почти невыносимое. Он смотрел на Оливера и думал о том, что подвёл обоих. Оливию — потому что не смог защитить. Сына — потому что не сумел выполнить обещание, которое дал жене много лет назад.

Револьвер дрожал в его руке. Мужчина попытался заставить себя принять окончательное решение, но пальцы словно перестали принадлежать ему.

И в этот момент Оливер проснулся.

— Папа?.. — позвал он слабым, хриплым голосом. — Ты здесь?

Маркус вздрогнул так сильно, что едва не выронил оружие. Мальчик осторожно пошевелился под одеялом и протянул перед собой маленькую ладонь, пытаясь найти отца. Движение было привычным: с тех пор как Оливер перестал видеть, он постоянно искал рукой что-нибудь знакомое — край одежды, одеяло, пальцы Маркуса. Это помогало ему убедиться, что он не один.

— Я здесь, малыш, — едва слышно ответил мужчина, медленно опуская револьвер. — Рядом с тобой.

Оливер немного повернул голову на звук его голоса и попросил подойти ближе. Маркус не сразу смог сдвинуться с места, но мальчик продолжал искать его рукой, и тогда мужчина осторожно положил оружие на пол и придвинулся к сыну.

— Мне опять страшно, пап, — прошептал Оливер, нащупав его пальцы. — Я проснулся, а вокруг так тихо, что подумал, будто ты ушёл. А потом услышал, как ты разговариваешь.

Маркус осторожно обнял ребёнка за плечи. Он хотел сказать, что всё хорошо, что бояться нечего, но эти слова показались ему настолько бессмысленными после пережитого, что он лишь погладил сына по волосам и пообещал больше не отходить далеко без предупреждения.

Мальчик некоторое время лежал молча, слушая дыхание отца, а затем неожиданно спросил, почему тот плачет.

— Я не плачу, сынок, просто очень устал, — ответил Маркус, поспешно вытирая лицо рукавом.

— Ты плачешь, — спокойно возразил Оливер. — Я слышу, как ты дышишь. Мама тоже так дышала, когда ей было грустно.

Упоминание Оливии заставило Маркуса опустить голову. Он попытался что-то ответить, но слова не находились. Мальчик крепче сжал его пальцы, словно хотел утешить, и мужчина почувствовал, как внутри него начинает рушиться последняя защита, за которой он прятался от собственного отчаяния.

— Пап, можно мне водички? — попросил Оливер после небольшой паузы. — У меня во рту всё сухое, и глотать больно.

Маркус смотрел на сына, не в силах пошевелиться.

Несколько секунд назад он направлял на него оружие, убеждая себя, что спасает ребёнка от мучений. А теперь этот маленький мальчик просто просил воды. Он не знал, насколько

близко оказался к смерти от руки человека, которому доверял больше всех на свете. Не знал, какие мысли мучили отца, и продолжал держать его за пальцы с той естественной уверенностью, с какой дети держатся за тех, кто должен их защищать.

Маркус невольно посмотрел на револьвер, лежавший у его ног, и с отвращением отодвинул оружие подальше.

Мужчина закрыл лицо ладонями. Он пытался сдержаться, но не смог. Из груди вырвался судорожный всхлип, затем другой, и вскоре он уже плакал, согнувшись возле сына, не в силах остановиться. Всё, что держало его на ногах последние дни, вдруг оказалось недостаточным, чтобы выдержать осознание собственного поступка.

— Господи, Оливер… — прошептал он, пытаясь восстановить дыхание. — Прости меня. Ты даже не представляешь, как сильно я перед тобой виноват.

Мальчик испугался. Он попытался приподняться, нащупал плечо отца и осторожно потянул его к себе.

— Папочка, пожалуйста, не плачь. Я ведь просто пить попросил. Если воды мало, я могу потерпеть, правда. Мне уже не так сильно хочется.

От этих слов Маркусу стало ещё больнее. Он обнял сына, осторожно прижимая его к себе, и долго не мог произнести ничего связного. Наконец, когда дыхание немного выровнялось, он отстранился и взял старую пластиковую флягу, лежавшую возле рюкзака.

На дне оставалось совсем немного воды. Маркус открутил крышку и осторожно поднёс горлышко к губам сына, придерживая его голову свободной рукой. Оливер жадно потянулся к фляге, но отец попросил пить маленькими глотками, чтобы не стало плохо. Мальчик послушался, сделал несколько глотков и облегчённо вздохнул, после чего поблагодарил его с такой искренней теплотой, будто получил не остатки тёплой воды, а что-то невероятно ценное.

Маркус отставил флягу и вытер сыну губы чистым краем рукава. Оливер немного помолчал, затем спросил, пил ли сам отец. Мужчина ответил утвердительно, хотя не мог вспомнить, когда в последний раз делал больше одного глотка. Следом мальчик поинтересовался, ел ли он сегодня, и Маркус снова солгал, уверив его, что успел перекусить, пока тот спал.

— Мама говорила, что ты совсем о себе не заботишься, — серьёзно заметил Оливер. — Помнишь, она всегда ругалась, когда ты уходил работать без завтрака? А ты говорил, что потом поешь, и почти никогда не ел.

Маркус невольно улыбнулся. Он действительно слышал подобные замечания едва ли не каждое утро, особенно когда приходилось укреплять ограждение или ремонтировать старое оборудование поселения. Оливия часто собирала ему небольшие свёртки с едой, потому что прекрасно знала, насколько легко муж забывает о собственных потребностях, увлёкшись работой.

— Помню, малыш. Она всегда следила, чтобы мы с тобой не ходили голодными.

Оливер задумался. Его лицо изменилось, и он тихо сказал, что очень скучает по маме. Маркус почувствовал знакомую боль, но на этот раз не попытался спрятаться от неё. Он признался, что тоже скучает, и некоторое время они сидели рядом, держась за руки. Оливер время от времени замолкал, чтобы перевести дыхание, и Маркус слышал, как тяжело ему даётся даже разговор.

— Я иногда просыпаюсь и забываю, что её больше нет, — сказал мальчик. — Кажется, сейчас мама придёт, поправит одеяло и скажет, что я опять сбросил его на пол. Я начинаю её звать, а приходишь ты. Я рад, пап. Но всё равно хочу, чтобы пришла мама.

Маркус не знал, что ответить. Он мог бы рассказать сыну о том, как скучает по голосу Оливии, по её улыбке, по привычке поправлять волосы за ухо во время разговора. О том, как иногда поворачивает голову, собираясь поделиться с ней какой-нибудь мелочью, и лишь потом вспоминает, что рядом никого нет. Но ребёнку и без того было слишком тяжело, поэтому мужчина просто притянул его ближе и осторожно обнял.

Оливер некоторое время молчал, затем взял отцовскую руку и немного переместил её себе на плечо.

— Мама обнимала меня вот так, — объяснил он. — А вторую руку клала на спину, чтобы мне было тепло. Попробуй, пап. У тебя почти получается, только она держала немного крепче.

Маркус выполнил просьбу. Он прижал сына к груди, стараясь не задеть повреждённое лицо, и почувствовал, как мальчик постепенно расслабляется в его объятиях. Оливер тихо вздохнул и сказал, что теперь стало почти как раньше.

Это «почти» причиняло боль сильнее любых слов. Маркус понимал, что никогда не сможет заменить сыну мать, как не сможет вернуть его прежнюю жизнь, но в тот момент ему впервые пришло в голову, что Оливер не требует от него невозможного. Мальчику нужно было совсем немного: чтобы рядом находился знакомый человек, чтобы тот не уходил без предупреждения и чтобы иногда его обнимали так, как когда-то обнимала мама.

Они просидели вместе довольно долго. Костёр постепенно затухал, и Маркус одной рукой подбросил в него несколько сухих веток, продолжая поддерживать сына другой. Оливер прислушивался к потрескиванию огня, а затем спросил, когда они вернутся домой.

Вопрос застал мужчину врасплох. До этого момента ему удавалось избегать подробного разговора о поселении. Оливер спрашивал о друзьях, игрушках и своей комнате, но Маркус всякий раз находил причину отвлечь его. Теперь он понял, что дальше откладывать разговор бессмысленно.

— Я не знаю, сможем ли мы вернуться в наш дом, сынок, — осторожно произнёс он. — Там произошло слишком много плохого, и сейчас нам небезопасно возвращаться. Но я постараюсь найти другое место, где мы сможем жить. Может быть, там будут хорошие люди, тёплая комната и даже небольшая кухня. Только сначала нам нужно найти врача, чтобы он посмотрел твои глаза.

Оливер долго обдумывал услышанное. Он спросил, будет ли в новом доме кровать, потому что устал спать на земле, а затем поинтересовался, можно ли будет поставить возле неё его машинки. Маркус пообещал, что они обязательно найдут подходящее место, хотя сам понятия не имел, где проведут следующую ночь.

— А Генри там будет? — неожиданно спросил мальчик.

Маркус опустил глаза. Старый плюшевый медведь остался в разрушенном доме вместе с большей частью их вещей. Мужчина прекрасно помнил, как Оливер спал с ним, обняв за шею, и как сердился, когда кто-нибудь случайно ронял игрушку на пол.

— Генри остался дома, малыш. Мне очень жаль. Мы тогда почти ничего не смогли взять с собой.

Оливер долго молчал, перебирая пальцами край одеяла, а потом тихо заметил, что медведю, наверное, теперь очень одиноко. Маркус едва удержался от желания сказать, что игрушки не чувствуют одиночества, но вовремя остановился. Для сына Генри был не просто старым куском ткани. Он был частью того маленького счастливого мира, которого больше не существовало.

— Может быть, кто-нибудь его найдёт и заберёт к себе, — сказал Маркус. — А когда мы устроимся на новом месте, я попробую сделать тебе другого медведя. Не такого же, конечно, но тоже хорошего.

Мальчик немного подумал, а затем ответил, что другого Генри ему не нужно, потому что тот был единственный. Однако спустя несколько минут он сам предложил, что нового медведя можно будет назвать иначе, чтобы никто не обиделся.

Маркус улыбнулся и впервые за долгое время почувствовал нечто похожее на настоящее тепло. Даже после всего случившегося Оливер оставался ребёнком, способным заботиться о старой игрушке и придумывать имена для будущих друзей. Мужчина смотрел на него и посте-

пенно начинал понимать, насколько страшной была мысль, с которой он сидел у костра всего несколько минут назад.

Когда Оливер немного успокоился, Маркус помог ему устроиться на сложенном одеяле. Мальчик повозился, пытаясь найти удобное положение, но вскоре снова поморщился от боли и попросил отца поправить повязку. Край ткани неприятно натирал кожу возле виска, и мужчина бережно ослабил наружное крепление, стараясь не потревожить раны.

— Пап, а мои глаза когда-нибудь перестанут болеть? — спросил Оливер. — Иногда мне кажется, будто туда попал песок, и я хочу потереть их, но ты говоришь, что нельзя. Я стараюсь не трогать, правда, только иногда забываю во сне.

Маркус сел рядом и объяснил, что раны должны заживать, поэтому прикасаться к ним сейчас опасно. Он старался говорить спокойно, но каждое слово давалось с трудом. Мужчина слишком хорошо помнил характер повреждений, чтобы искренне уверять сына в скором выздоровлении.

Мальчик помолчал, а затем спросил, сможет ли врач сделать так, чтобы он снова видел. Вопрос прозвучал просто, без слёз и жалоб, отчего Маркусу стало ещё тяжелее. Он осторожно взял сына за руку и признался, что не знает ответа, но обязательно будет искать человека, который разбирается в подобных ранениях.

— А если доктор скажет, что ничего не получится? — спросил Оливер после долгой паузы. — Тогда я больше никогда тебя не увижу?

Маркус почувствовал, как в груди всё болезненно сжалось. Ему хотелось немедленно пообещать, что мальчик обязательно поправится, что всё закончится хорошо и однажды они будут вспоминать эти дни как страшный сон. Но он понимал, что не имеет права давать обещание, исполнение которого от него не зависит.

— Я не знаю, малыш. Мне очень хочется верить, что тебе смогут помочь, но сейчас я не могу сказать наверняка. Зато могу обещать другое: я буду рядом, что бы ни случилось. Даже если тебе придётся долго учиться делать привычные вещи по-другому, мы справимся вместе. Я помогу тебе, пока ты сам не почувствуешь, что можешь обходиться без моей помощи.

Оливер слушал внимательно. Затем осторожно протянул руку, нащупал отцовскую щёку и провёл по ней пальцами. Маркус замер, позволив сыну коснуться его лица. Мальчик провёл ладонью по щетине, задержался возле носа и тихо улыбнулся.

— Ты колючий, — заметил он. — Мама всегда говорила, чтобы ты побрился, когда я был маленький, потому что ты царапался, когда целовал меня.

Маркус невольно рассмеялся. Оливер тоже улыбнулся, но почти сразу стал серьёзным.

— Пап, а я не забуду твоё лицо? Пока помню, но иногда оно будто расплывается у меня в голове. И мне страшно, что я забуду совсем. И мамино лицо тоже.

Маркус осторожно накрыл маленькую ладонь своей рукой. Он долго не мог найти подходящих слов, потому что впервые задумался о том, каково ребёнку постепенно терять не только возможность видеть окружающий мир, но и уверенность в собственных воспоминаниях.

— Ты можешь трогать моё лицо сколько захочешь, сынок. И я буду рассказывать тебе обо всём, что ты захочешь вспомнить. О маме, о нашем доме, о том, как мы ходили на озеро. Мы будем говорить об этом столько раз, сколько понадобится, чтобы воспоминания оставались с нами.

Оливер немного успокоился и попросил рассказать, как выглядела мама в тот день, когда они фотографировались возле озера. Маркус прекрасно помнил тот снимок. Оливия сидела на деревянной скамейке, обнимая сына, а тот смеялся и показывал в камеру два пальца. На ней было светлое платье, волосы она собрала в небрежный пучок, но несколько каштановых прядей всё равно выбились и падали на лицо.

— Она тогда очень смеялась, потому что ты целый час пытался поймать лягушку, — сказал Маркус. — Помнишь, как прибежал к нам весь мокрый и заявил, что поймал самую большую лягушку на свете? А когда я попросил показать её, оказалось, что она давно убежала.

Оливер тихонько засмеялся. Он помнил этот день и даже смог рассказать, как мать предупреждала его, чтобы он не заходил слишком далеко в воду. Потом мальчик спросил, смогут ли они когда-нибудь снова пойти на озеро.

Маркус ответил, что обязательно постарается найти такое место. Возможно, это будет совсем другое озеро, с незнакомыми берегами и деревьями, но они смогут сидеть у воды, слушать птиц и пробовать ловить рыбу. Оливер некоторое время обдумывал услышанное, а затем осторожно спросил, как сможет рыбачить, если не будет видеть поплавок.

— Тогда мы придумаем другой способ, — сказал Маркус. — Я помогу тебе держать удочку и объясню, как почувствовать поклёвку. Раньше рыбаки вообще часто ориентировались по натяжению лески. Если ты захочешь, мы обязательно попробуем.

Мальчик улыбнулся и заявил, что непременно поймает рыбу больше той, которую отец однажды принёс домой. Маркус подыграл ему, заметив, что такую огромную добычу, наверное, придётся тащить вдвоём.

Разговор перешёл к другим воспоминаниям. Оливер рассказывал о качелях, о маленькой дорожке возле дома, о друге, который однажды упал в лужу, пытаясь через неё перепрыгнуть. Маркус слушал, иногда уточнял подробности и удивлялся тому, сколько хорошего сохранилось в памяти сына. Посреди холодной пещеры, окружённые лесом и неизвестностью, они на некоторое время снова оказались в своём маленьком поселении, где пахло хлебом, люди здоровались по утрам, а самым большим огорчением Оливера могла стать сломанная игрушка.

От долгого разговора Оливер совсем ослабел. Он всё реже отвечал, делал паузы, чтобы перевести дыхание, и иногда надолго замолкал, словно пытаясь удержать ускользающее воспоминание. Маркус поправил одеяло и предложил немного отдохнуть, но Оливер попросил сначала рассказать, какая сейчас погода.

Мужчина посмотрел в сторону входа. За деревьями медленно темнело небо, затянутое тяжёлыми серыми облаками. Ветер раскачивал верхушки сосен, и снаружи доносился негромкий шелест листвы. Маркус рассказал сыну, что дождя пока нет, но скоро, вероятно, начнётся, а облака выглядят так, будто огромные медведи лениво растянулись над лесом.

Оливер улыбнулся и вспомнил мамину колыбельную про ночь, которая ходила на мягких лапах. Он попросил отца спеть её, и Маркус сначала попытался отказаться, уверяя, что совершенно не умеет петь. Но мальчик настойчиво сказал, что ему нравится слушать папин голос, даже если тот иногда забывает слова.

Маркус устроился возле ребёнка, откашлялся и тихо начал знакомую мелодию. Голос получился хриплым, неуверенным, и уже после первых строк мужчина почувствовал, как к горлу подступает ком. Оливия пела эту песню почти каждый вечер, когда Оливер был совсем маленьким. Иногда Маркус притворно возмущался, что сын давно должен спать, а не заставлять мать повторять одно и то же по несколько раз, но на самом деле ему нравилось слушать их обоих.

Теперь песня звучала иначе. Без мягкого голоса Оливии, без скрипа половиц в тёплом доме и без привычного запаха ужина, доносившегося с кухни. Маркус забыл часть слов, сбился на середине и хотел остановиться, но Оливер тихо попросил продолжать, даже если придётся придумывать новые строчки.

Мужчина снова поймал знакомый мотив и пропел ещё несколько строк. Мальчик слушал, прижимая к груди маленькую красную машинку, которую Маркус нашёл в кармане его куртки после побега. Одно колесо игрушки держалось плохо, краска на крыше почти стёрлась, но Оливер узнал её на ощупь и с тех пор старался держать поблизости.

Когда песня закончилась, мальчик попросил отца дать ему ладонь и не отпускать, пока он не заснёт. Маркус вложил пальцы в маленькую руку и остался сидеть рядом. Некоторое время Оливер молчал, а затем сонно произнёс:

— Пап, мне нравится, когда ты рассказываешь про завтра. Тогда кажется, что оно обязательно наступит.

Маркус почувствовал, как у него снова защипало глаза. Он осторожно поцеловал сына в макушку и пообещал, что завтра они постараются найти воду, немного еды и дорогу к людям. Оливер уже почти спал, но всё-таки успел спросить, будет ли отец рядом, когда он проснётся.

— Обязательно, малыш. Я буду здесь.

Мальчик слабо сжал его пальцы, словно хотел убедиться, что обещание услышано правильно, и вскоре уснул. Его дыхание постепенно выровнялось, а лицо немного расслабилось. Маркус продолжал сидеть рядом, не решаясь пошевелиться, хотя рука давно затекла. Он боялся нарушить этот редкий спокойный сон и одновременно не мог перестать думать о том, насколько близко подошёл сегодня к поступку, который никогда не смог бы исправить.

Когда угли в костре начали остывать, Маркус осторожно высвободил руку и поднялся. Оливер спал, прижимая к себе машинку, и мужчина ещё некоторое время наблюдал за ним, прежде чем вернуться к месту, где лежал револьвер.

Оружие всё ещё находилось на каменном полу. Маркус поднял его, открыл барабан и вытряхнул единственный патрон на ладонь. Несколько секунд смотрел на маленький кусочек металла, а затем спрятал его во внутренний карман куртки. Разряженный револьвер он убрал в рюкзак.

Ему было страшно думать о том, что произошло. Он не пытался оправдать себя голодом, усталостью или отчаянием, хотя понимал, что всё это довело его до состояния, в котором привычные представления о добре и зле начали терять ясность. Он направил оружие на собственного сына. От одной этой мысли Маркуса охватывал такой стыд, что хотелось исчезнуть. Но он больше не позволял себе искать в исчезновении ответ на происходящее.

Оливер был жив. Он нуждался в помощи, защите и человеке, которому мог доверять. И если Маркус хотел хотя бы попытаться заслужить право снова смотреть сыну в лицо, ему предстояло доказать это не словами, а поступками.

Мужчина подтянул к себе рюкзак и принялся перебирать оставшиеся вещи. Банка рыбных консервов, несколько крекеров, почти пустая фляга, складной нож, зажигалка, небольшой моток ткани и разряженный револьвер. Рядом лежало старое одеяло, а возле входа — запас собранных днём сухих веток. Во внутреннем кармане куртки хранились единственный патрон и маленькая фотография, сложенная вчетверо.

Он достал снимок из внутреннего кармана и осторожно расправил.

На фотографии была Оливия. Она сидела на деревянной скамейке возле озера, обнимая маленького Оливера. Мальчик смеялся, показывая в камеру два пальца, а жена смотрела на него с той особенной нежностью, которую Маркус так любил. Снимок был сделан несколько лет назад, в тёплый летний день, когда они устроили семейный пикник. Оливия приготовила бутерброды из свежеиспечённого хлеба, а Оливер целый час носился вдоль берега, пытаясь поймать лягушку.

Маркус прекрасно помнил, как вечером они возвращались домой по узкой тропинке. Сын сидел у него на плечах и распевал какую-то выдуманную песню, а Оливия шла рядом, время от времени поправляя сползавшую с головы мальчика панамку. Они разговаривали о самых обыкновенных вещах: о завтрашней работе, о том, что нужно починить дверь сарая, и о празднике, который собирались устроить в поселении через несколько недель. Никто из них не подозревал, насколько хрупким оказалось их счастье.

Маркус долго смотрел на фотографию. Ему хотелось вернуться хотя бы на несколько минут в тот день, услышать смех жены, почувствовать тяжесть маленького сына на плечах и

снова поверить, что впереди у них целая жизнь. Но постепенно мужчина понял, что смотрит не столько на потерянное прошлое, сколько на напоминание о том, ради чего они с Оливией столько лет старались построить свой небольшой безопасный мир.

Их сын всё ещё был здесь.

Он лежал в нескольких шагах, измученный болью и жаром, и продолжал верить, что отец обязательно найдёт выход. Оливер не мог видеть его лица, не знал, насколько безнадёжным казалось их положение, но всё равно спрашивал о будущем, мечтал о рыбалке и беспокоился, не забыл ли папа поесть.

Маркус осторожно сложил фотографию и прижал её к губам.

— Я не знаю, слышишь ли ты меня, Оливия, — произнёс он, глядя на знакомое лицо. — Не знаю, есть ли вообще место, откуда ты можешь нас видеть. Но я хочу, чтобы ты знала: сегодня я едва не сделал то, за что никогда бы себе не простил. Я был уверен, что больше не способен ему помочь, и чуть не отнял у него саму жизнь. Мне страшно даже думать о том, каким человеком я стал за эти несколько дней.

Он замолчал, пытаясь справиться с дыханием. Слова давались тяжело, но на этот раз Маркус не отвернулся от фотографии и не попытался заглушить собственные мысли. Ему нужно было произнести всё вслух, хотя бы один раз признать, насколько близко он подошёл к краю.

— Ты защищала его до последнего, — продолжил мужчина. — Даже когда сама уже не могла подняться, ты всё равно держала его на руках. А я сегодня чуть не предал всё, ради чего ты жила. Не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь простить меня, но я обещаю, что больше не позволю отчаянию принимать решения за меня.

Маркус посмотрел на спящего сына. Костёр отбрасывал на его лицо тёплые отблески, и в этом слабом свете мальчик на мгновение показался таким же, каким был прежде, когда засыпал дома после долгого дня игр. Только повязка и болезненная худоба напоминали, насколько далеко они оказались от прежней жизни.

— Я найду ему врача, — тихо сказал Маркус. — Не знаю как, не знаю где, но буду искать, пока останутся силы. Я обещал тебе, что никогда не оставлю его одного, и больше не собираюсь нарушать это обещание.

Он убрал фотографию во внутренний карман куртки, туда, где обычно носил самые ценные вещи. Потом подошёл к сыну, поправил сползшее с плеча одеяло и осторожно коснулся его лба. Жар всё ещё держался. Дыхание сына стало немного спокойнее, но это не отменяло главного: Оливеру срочно требовался врач. Маркус понимал, что одна тихая ночь ничего не изменит и что завтра им, возможно, придётся столкнуться с новыми трудностями. Однако впервые за последние дни он перестал воспринимать наступление утра исключительно как продолжение мучений.

Снаружи поднимался ветер. Где-то в глубине леса скрипели деревья, а по камням возле входа начали стучать первые капли дождя. Маркус подбросил в костёр несколько сухих веток и устроился рядом с сыном, прислушиваясь к его дыханию. Он мысленно перебирал возможные направления, вспоминал замеченные накануне тропинки и пытался представить, где могла находиться ближайшая дорога. Утром нужно было уходить. Даже если для этого придётся нести Оливера весь день, останавливаясь лишь затем, чтобы дать ему немного воды и проверить повязку.

Маркус осторожно положил ладонь на плечо мальчика. Тот слегка пошевелился во сне, но не проснулся. Мужчина наклонился ближе и несколько секунд смотрел на его лицо, стараясь запомнить это редкое спокойное выражение.

Ему вдруг вспомнилось, как Оливия однажды сказала, что настоящая любовь проявляется не в больших обещаниях, а в самых обыкновенных поступках, которые человек совершает

день за днём. Тогда Маркус только усмехнулся, решив, что жена снова пытается объяснить ему что-то очевидное. Теперь он понимал её слова гораздо лучше.

Ему не требовалось совершать невозможное прямо этой ночью. Нужно было сохранить огонь, дать сыну отдохнуть, не забыть о собственной еде и найти силы подняться утром. Потом пройти ещё немного. Найти воду. Отыскать дорогу, людей, лекарство или хотя бы крышу над головой. И повторять это столько раз, сколько понадобится, пока перед ними не появится настоящая возможность спастись.

Маркус ещё долго сидел возле костра, прислушиваясь к шуму дождя. Иногда он закрывал глаза и снова видел Оливию, но теперь старался удержать в памяти не её последние минуты, а тот летний день у озера. Её улыбку, развевавшиеся на ветру волосы и маленького Оливера, который сидел у него на плечах и был совершенно уверен, что впереди их ждёт ещё много счастливых дней.

Прошлое уже нельзя было изменить, сколько бы раз Маркус ни возвращался к нему мысленно. Но рядом спал его сын, а впереди всё ещё существовало неизвестное завтра. И впервые за долгое время мужчина позволил себе подумать о нём не как о наказании, которое придётся пережить, а как о возможности что-то исправить.

Когда дождь усилился, Маркус осторожно придвинулся ближе к Оливеру, укрыл их обоих старым одеялом и приготовился провести ещё одну ночь без сна. Он знал, что утром снова почувствует боль в ранах, слабость и голод. Знал, что мальчик может проснуться с жаром и что дорога окажется тяжёлой. Но теперь у него была цель, ради которой стоило терпеть всё это.

Он должен был вернуть сыну хотя бы часть того мира, который у него отняли.

А если вернуть уже ничего не получится — построить для него новый.

Конец главы 1 «Последствия»

Глава 2

Глава 2. До того, как наступила тьма

Солнце ещё не поднялось над восточными холмами, когда Мария проснулась от тяжёлого, недовольного сопения возле кровати. Спросонья ей показалось, будто в комнату среди ночи пробрался здоровенный незнакомец и теперь пытается отдышаться после долгой дороги. Но что-то влажное и холодное настойчиво коснулось ладони, свесившейся с края матраса, и Мария, не открывая глаз, улыбнулась.

— Бурбуль, если ты сейчас опять начнёшь облизывать мне лицо, я тебя больше никогда в комнату не пущу.

В ответ раздался такой выразительный вздох разочарования, что Мария не выдержала и рассмеялась. Она приподнялась на локте и посмотрела вниз. Возле кровати сидел огромный пёс с широкой грудью, мощными лапами и тяжёлой головой, которую он держал немного набок. Одно ухо было слегка надорвано — память о давней стычке за пределами городских укреплений. Несмотря на внушительные размеры и суровый вид, сейчас Бурбуль выглядел совершенно безобидно. Он внимательно следил за хозяйкой, время от времени переводя взгляд с её лица на дверь, словно терпеливо объяснял, что утро давно наступило, а некоторые важные дела всё ещё остаются невыполненными.

Мария протянула руку и почесала его за ухом. Пёс немедленно прикрыл глаза, опустил тяжёлую голову ей на колени и довольно заворчал. Он был настолько большим, что даже сидя занимал почти всё свободное пространство между кроватью и письменным столом. Мать не раз жаловалась, что после его появления в доме стало невозможно пройти по коридору, не споткнувшись о какую-нибудь лапу или хвост. Отец на это неизменно отвечал, что хороший сторожевой пёс должен занимать много места, иначе какой от него толк. Мария подозревала, что оба давно привыкли к Бурбулю и любят его ничуть не меньше, чем она сама.

В четырнадцать лет Мария считала себя достаточно взрослой, чтобы принимать решения самостоятельно. Но окружающие почему-то упорно продолжали обращаться с ней как с ребёнком. Мария особенно остро ощущала эту несправедливость в последние месяцы. Отец всё ещё запрещал ей выходить за пределы укреплённого района, мать требовала возвращаться домой до вечернего сигнала, а некоторые солдаты Arma, знавшие её с детства, продолжали называть малышкой. Последнее раздражало сильнее всего, особенно когда это происходило в присутствии Билли, который после подобных случаев обязательно принимался изображать взрослого мужчину, защищающего честь своей будущей жены.

При мысли о Билли Мария вдруг вспомнила, какой сегодня день, и окончательно проснулась.

Мальчику исполнялось восемь лет.

Он напоминал ей об этом почти две недели, словно опасался, что она забудет о самом важном празднике в истории человечества. Вчера вечером Билли даже явился к их дому с собственноручно нарисованным приглашением, на котором разноцветными карандашами изобразил большую праздничную лепёшку, восемь свечей и двух людей, стоящих рядом. Один человек был значительно выше другого, носил длинные волосы и держал на поводке существо, больше напоминавшее лохматого медведя. Второй отличался невероятно широкими плечами и чем-то похожим на меч в руке.

На вопрос Марии, почему у него такие огромные плечи, Билли с достоинством объяснил, что теперь, когда ему исполнится восемь, он обязательно станет сильнее большинства взрослых мужчин.

— А меч зачем? — поинтересовалась она.

— Чтобы тебя защищать.

После этого Мария ещё долго смеялась, а Билли обиделся и заявил, что больше никогда не станет рисовать ей красивые приглашения. Правда, спустя десять минут он уже сидел рядом с Бурбулем и рассказывал псу, как однажды они втроём отправятся путешествовать по старым дорогам, найдут настоящий автомобиль и будут жить в доме, где каждый день разрешается есть варенье.

Мария откинула одеяло, встала и подошла к окну. За стеклом медленно просыпался Тусон.

Когда-то это был большой город, раскинувшийся среди выжженных солнцем равнин южной Аризоны. Мария знала об этом из старых книг и фотографий, которые хранились в городском архиве. На снимках виднелись широкие дороги, заполненные машинами, огромные торговые здания, яркие вывески, зелёные парки и бесконечные жилые кварталы. Теперь большая часть прежнего города лежала за укреплениями, постепенно исчезая под пылью, песком и разросшейся растительностью. Некоторые улицы давно стали непроходимыми из-за брошенного транспорта и обрушившихся строений. По другим по-прежнему проходили патрули, торговые караваны и редкие путешественники, которым удавалось добраться до защищённых районов.

Южную часть Тусона удерживала Arma — община с военной организацией, сохранившая достаточно людей, оружия, техники и дисциплины, чтобы построить здесь нечто большее, чем временное убежище. Вокруг жилых кварталов возвышались бетонные стены, усиленные металлическими конструкциями. На перекрёстках стояли сторожевые посты, крыши некоторых зданий занимали наблюдатели, а бывшие городские дороги превращались в контролируемые проходы с тяжёлыми воротами.

Внутри укреплений жизнь продолжалась. Работали мастерские, небольшая больница, школа, склады продовольствия и даже несколько магазинов, в которых товары обменивали на установленные общиной расчётные талоны. Электричество подавали по расписанию, хотя в домах командного состава и важных технических специалистов перебои случались реже. Воду добывали из восстановленных скважин, очищали и распределяли между районами. По утрам люди отправлялись на работу, дети собирались на занятия, а возле пунктов выдачи продуктов спорили о ценах, нехватке сахара и последних новостях.

Для Марии всё это было не остатками прежней цивилизации, а самым обыкновенным миром. Она выросла среди укреплений, блокпостов и вооружённых патрулей, научилась различать звук грузового двигателя и генератора раньше, чем освоила таблицу умножения, и с детства знала, что после вечернего сигнала выходить на улицу нельзя без разрешения взрослых. За пределами стен находилось нечто опасное, непредсказуемое и почти неведомое. Внутри же были дом, родители, знакомые лица и люди, которые здоровались с ней по имени.

Особенно ей нравились утренние часы, когда город ещё не успевал наполниться шумом. В такое время можно было представить, что никаких укреплений вообще не существует, а редкие вооружённые солдаты на улице просто отправляются на какую-то необычную работу.

Из кухни донёсся звон посуды, и почти сразу Мария почувствовала запах поджаривающегося теста. Она улыбнулась, потому что мать готовила блины исключительно по особенным случаям или тогда, когда хотела кого-нибудь порадовать.

— Пойдём, Бурбуль. Похоже, сегодня у нас действительно праздник.

Пёс поднялся с пола, потянулся и первым направился к двери. Его тяжёлые когти застучали по деревянным половицам, после чего из кухни немедленно раздался материнский голос:

— Только не говори мне, что он опять спал у тебя! Мария, я ведь вчера специально постелила ему возле камина!

— Он просто пришёл пожелать мне доброго утра! — крикнула девушка, поспешно натягивая домашнюю кофту.

— Конечно. И случайно оставил половину шерсти на твоём одеяле!

Когда Мария вошла на кухню, мать стояла возле плиты, переворачивая очередной блин. На столе уже находились тарелки, небольшая баночка клубничного варенья и корзинка с хлебом. Холодильник в углу негромко гудел, а над раковиной горела лампа, которую отец постоянно забывал выключать. Всё выглядело настолько привычно, что Мария не сразу заметила дорожную сумку, собранную у двери.

Она подошла к матери, обняла её со спины и заглянула через плечо на сковороду.

— Мам, а можно мне первый?

— Первый уже съел твой отец. И второй, между прочим, тоже. Если вы оба продолжите в том же духе, мне самой ничего не останется.

Мария повернулась к столу. Отец сидел возле окна с кружкой крепкого кофе и просматривал какие-то бумаги, разложенные рядом с тарелкой. На спинке его стула висела форменная куртка Arma, а возле стены стояли тяжёлые ботинки, которые он обычно надевал перед выездом за пределы жилого района. Девушка сразу заметила, что он уже побрился, хотя в обычные выходные позволял себе немного отдохнуть от армейских привычек.

— Пап, ты опять на службу? Сегодня же выходной.

Отец поднял голову и улыбнулся. На его лице появились знакомые складки возле глаз, которые делали его значительно моложе и совершенно непохожим на сурового командира, каким его привыкли видеть подчинённые.

— У командира выходной бывает только тогда, когда об этом вспоминают все остальные. Пока, к сожалению, никто не вспомнил.

Он отложил бумаги и жестом предложил дочери сесть рядом. Мария устроилась напротив, стащила с тарелки кусочек хлеба и машинально подала Бурбулю, который уже занял привычное место возле её ног. Отец заметил это, но ничего не сказал. Он и сам нередко подкармливал пса, хотя потом строго запрещал всем остальным делать то же самое.

Мать поставила перед Марией тарелку с горячими блинами и придвинула варенье. Девушка уже собралась приступить к завтраку, когда заметила, что родители переглянулись.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего такого, о чём тебе следует беспокоиться, — ответила мать, но произнесла это несколько быстрее обычного.

Мария посмотрела на отца. За последние годы она научилась замечать подобные мелочи. Когда происходило что-то серьёзное, взрослые в первую очередь начинали уверять её, что всё совершенно нормально.

Отец некоторое время молчал, затем сложил бумаги и убрал их в кожаную папку.

— Вчера вечером одна из разведывательных групп не вышла на связь. Ребята работали в южном секторе, за внешней линией наблюдения. Возможно, сломалась радиостанция или пришлось сменить маршрут. Но по правилам мы обязаны проверить, почему они задерживаются.

— И ты сам туда поедешь?

— Сначала на южный опорный пункт. Там соберём сведения, поднимем последние записи и решим, куда отправлять поисковые группы. Возможно, всё закончится раньше, чем ты успеешь съесть праздничный пирог Билли.

Мария нахмурилась. Она прекрасно знала, что отец командует одним из подразделений Arma и часто принимает участие в операциях за стенами города, но каждый его отъезд вызывал у неё неприятное чувство, которое она тщательно старалась скрывать.

Мать отставила сковороду с огня и села рядом с мужем. Она выглядела спокойной, однако девушка заметила, что женщина уже несколько раз взглянула на часы.

— Я тоже сегодня ненадолго уеду, — сказала она. — Мы договаривались заехать на южный пост ещё на прошлой неделе. Там меня ждёт знакомая, которая должна передать кое-какие вещи. Раз уж отец едет в ту сторону, он довезёт меня до внутреннего пункта, а потом я вернусь с машиной сопровождения.

Мария перевела взгляд с матери на отца.

— Но если там что-то случилось, зачем ехать сегодня? Ты же можешь забрать вещи в другой раз.

— Внешний сектор и жилой пункт — не одно и то же, — спокойно объяснил отец. — Мама не поедет туда, где работают разведчики. Я оставлю её в охраняемом месте, а дальше займусь своими делами. Кроме того, ничего чрезвычайного пока не произошло. У нас каждый месяц кто-нибудь теряет связь из-за старого оборудования.

Он произнёс это уверенно, но Мария заметила, как его взгляд на мгновение задержался на папке с документами.

Ей хотелось расспросить подробнее, однако она понимала, что отец всё равно не станет обсуждать служебные сведения за завтраком. Он никогда не рассказывал дочери о людях, которых находили патрули, о нападениях на торговые караваны и о причинах, по которым некоторые районы за стенами объявлялись закрытыми. Иногда Мария слышала обрывки разговоров взрослых и пыталась сама составить из них общую картину, но получалось плохо. Внешний мир существовал для неё в виде тревожных слухов, фотографий разрушенных поселений и редких историй, которыми делились солдаты, возвращавшиеся из дальних рейдов.

Когда-то она спросила отца, почему Arma не может просто очистить все окрестности от опасных людей. Он долго подбирал ответ, а потом сказал, что мир слишком велик, чтобы его можно было охранять так же, как собственный дом. Даже тысяча вооружённых солдат не сумеет защитить каждую дорогу, каждый заброшенный квартал и каждую семью, решившую отправиться в путь.

Тогда Мария не вполне поняла его слова. Ей казалось, что достаточно поставить больше наблюдательных вышек, починить старые машины и отправлять патрули дальше, чем прежде.

Теперь, глядя на отцовскую форму, она вдруг подумала, что он выглядит уставшим. Под глазами залегли тёмные круги, а возле висков появилось больше седины, чем она замечала раньше.

— Ты ведь вернёшься сегодня? — спросила девушка.

— Постараюсь. Если задержусь, обязательно передам сообщение.

— Ты в прошлый раз тоже так говорил, а приехал только через два дня.

— Поэтому на этот раз постараюсь не повторять ошибок, — ответил он с улыбкой.

Мать поспешила сменить тему и спросила, подготовила ли Мария подарок Билли. Девушка сразу оживилась. Несколько вечеров она тайком возилась с небольшой деревянной машинкой, найденной среди старых вещей в мастерской. Корпус был потёртым, одно колесо отсутствовало, а ось погнулась. С помощью знакомого механика ей удалось починить игрушку. Потом Мария сама перекрасила её в красный цвет и нарисовала на дверцах две маленькие белые полосы.

Билли давно мечтал о настоящем гоночном автомобиле, хотя никогда не видел исправной машины, способной ехать быстрее старого армейского грузовика. Он собирал картинки автомобилей из журналов, задавал взрослым бесконечные вопросы о двигателях и был уверен, что однажды сумеет восстановить собственную машину. Мария надеялась, что подарок ему понравится.

— Я ещё вчера всё упаковала, — сказала она. — Только не говорите ему, ладно? Он уже три раза пытался выяснить, что я приготовила.

Отец усмехнулся и отложил кружку.

— Боюсь, этот молодой человек скоро начнёт требовать у меня официального разрешения на свадьбу.

— Папа!

— А что такого? Он вполне серьёзно сообщил мне на прошлой неделе, что собирается жениться на тебе, когда вырастет. Даже спросил, сколько нужно зарабатывать, чтобы содержать семью.

Мать рассмеялась, а Мария почувствовала, как краснеют щёки.

— Ему восемь лет!

— Сегодня исполнится восемь, — поправил отец. — В таком возрасте уже пора задумываться о будущем.

Он говорил совершенно серьёзно, но девушка прекрасно знала это выражение его лица. Когда отец хотел кого-нибудь подразнить, он становился особенно невозмутимым, будто обсуждал важнейшее военное решение.

— Я ему скажу, что ты разрешаешь ему приходить ко мне только после двадцати лет, — пригрозила Мария.

— Хорошая мысль. К тому времени он, возможно, научится правильно держать молоток и перестанет рассказывать, что построит тебе дворец из автомобильных запчастей.

Бурбуль, услышав смех, поднял голову и завилял хвостом, совершенно не понимая, что стало причиной общего веселья. Мать снова подошла к плите, отец принялся допивать кофе, а Мария почувствовала то особенное спокойствие, которое всегда возникало во время семейных завтраков.

В такие минуты она почти забывала о существовании стен, вооружённых постов и разрушенного мира за пределами Тусона.

После еды родители начали собираться. Отец переоделся в форму, проверил содержимое небольшого рюкзака и пристегнул к поясу оружие. Мать убрала со стола посуду, закрыла банку варенья и несколько раз повторила Марии привычные наставления: не уходить далеко от жилого района, не задерживаться вечером и обязательно запереть дверь, если родители не успеют вернуться.

Девушка слушала вполуха, потому что всё это слышала сотни раз.

Когда они вышли во двор, возле дома уже стояла машина Arma. Её двигатель работал на холостых оборотах, издавая низкое, ровное урчание. За рулём сидел солдат, которого Мария видела прежде, а рядом с воротами курил другой военнослужащий. Увидев командира, он немедленно отбросил сигарету и выпрямился.

Мать задержалась на крыльце, поправляя ремень сумки. Мария неожиданно обняла её, сама не понимая, почему ей захотелось сделать это именно сейчас. Обычно подобные прощания ограничивались быстрым поцелуем в щёку и обещанием не забывать об ужине.

— Что такое, солнышко? — удивилась женщина.

— Ничего. Просто возвращайся пораньше.

Мать улыбнулась, осторожно убрала с лица дочери выбившуюся прядь волос и поцеловала её в лоб.

— Постараюсь. И не позволяй Билли съесть весь праздничный пирог одному. Его мама вчера жаловалась, что он уже несколько дней пытается выяснить, сколько ему достанется кусочков.

Отец стоял возле машины, наблюдая за ними. Когда Мария подошла к нему, он положил ладонь ей на плечо.

— Присматривай за домом, хорошо? И за мамой Билли, если ей понадобится помощь. У них сегодня будет много гостей.

— Ты говоришь так, будто меня назначили главным человеком в городе.

— Пока только на нашей улице, — ответил он. — Но это уже неплохое начало.

Он наклонился, обнял дочь и на мгновение крепко прижал её к себе. От его куртки пахло чистой тканью, кожей и едва уловимо — оружейным маслом. Мария знала этот запах с самого

детства. Отец всегда казался ей человеком, который способен справиться с любой опасностью, починить любую сломанную вещь и найти ответ на самый трудный вопрос.

— Пап, — тихо сказала она, когда он уже собирался отпустить её. — Ты ведь действительно вернёшься?

Он посмотрел ей в глаза.

— Я сделаю всё, чтобы вернуться домой.

Мария кивнула, принимая этот ответ за обещание.

Когда машина выехала со двора и повернула к главной дороге, девушка ещё некоторое время стояла возле калитки. Бурбуль устроился рядом, внимательно провожая автомобиль взглядом. На перекрёстке отец высунул руку из окна и помахал дочери. Мария подняла ладонь в ответ и продолжала смотреть, пока машина не скрылась за поворотом.

Затем она вернулась в дом.

Ей предстояло закончить приготовление подарка, переодеться и отправиться к Билли, который наверняка уже несколько раз выглянул в окно, проверяя, не идёт ли она.

Если бы Мария знала, каким окажется этот день, она, возможно, побежала бы вслед за машиной, остановила родителей и потребовала остаться дома. Но тогда утро ничем не отличалось от множества других, и тревога, на мгновение возникшая во время прощания, быстро растворилась среди привычных домашних забот.

Дом Билли находился через три участка от их собственного. Небольшое одноэтажное здание с покрашенными в светлый цвет стенами, деревянной верандой и аккуратным палисадником выделялось среди соседних построек особенно ухоженным видом. Мать мальчика любила цветы и выращивала их в старых металлических ёмкостях, которые расставляла вдоль дорожки. В жарком климате Тусона это требовало немало усилий, но женщина каким-то образом умудрялась сохранять растения живыми даже тогда, когда воду в районе выдавали по строгому расписанию.

Когда Мария подошла к калитке, она услышала знакомый голос.

— Мама, я же сказал, что не буду надевать эту рубашку! Она мне мешает!

— Билли, ты можешь хотя бы один день не спорить со мной по поводу одежды? У тебя сегодня день рождения!

— Вот именно! Значит, я должен сам выбирать, что носить!

Мария остановилась возле двери и улыбнулась. Бурбуль, почувствовав знакомый запах, завилял хвостом и нетерпеливо переступил с лапы на лапу.

Спустя несколько секунд дверь распахнулась, и на пороге появился Билли.

Это был невысокий худощавый мальчик с веснушчатым лицом, светло-русыми волосами и такими живыми глазами, будто в его голове непрерывно рождались новые затеи. На нём была новая рубашка, очевидно выбранная матерью, и старые короткие штаны, которые он предпочитал любой другой одежде.

Увидев Марию, Билли широко улыбнулся.

— Ты пришла! А я уже подумал, что ты забыла!

— Как я могла забыть, если ты вчера напоминал мне об этом четыре раза?

— Пять, — серьёзно поправил он. — Последний раз, когда вы с Бурбулем возвращались с прогулки.

Он тут же заметил свёрток в её руках и вытянул шею, пытаясь рассмотреть подарок.

— Это мне?

— Нет, Бурбулю. Я решила, что у него тоже должен быть день рождения.

Мальчик посмотрел на пса и задумался. Затем нахмурился.

— Но у него же день рождения в другой день.

Мария рассмеялась и протянула ему свёрток.

Билли принял подарок двумя руками, словно это был необычайно ценный предмет. Он осторожно провёл пальцами по бумаге, проверил вес, несколько раз перевернул упаковку и наконец спросил, можно ли открыть прямо сейчас.

Мать, появившаяся за его спиной, разрешила, заметив, что иначе он всё равно не успокоится до самого вечера.

Мальчик развернул бумагу и замер.

Несколько секунд он молча смотрел на красную машинку. Мария даже успела испугаться, что подарок ему не понравился. Но затем Билли осторожно коснулся колёс, покрутил одно из них и поднял на девушку совершенно счастливые глаза.

— Она настоящая?

— Почти. Ездит, если толкнуть.

Он присел прямо на крыльце и осторожно прокатил игрушку по доскам. Машинка проехала несколько десятков сантиметров, слегка повернула в сторону и остановилась возле ботинка Бурбуля. Пёс заинтересованно понюхал её, но Билли немедленно убрал подарок подальше.

— Нет, Бурбуль! Это не для собак!

Мария с трудом удержалась от смеха, когда мальчик прижал машинку к груди и сообщил, что это самый лучший подарок, который он когда-либо получал.

Он хотел было снова опустить игрушку на пол, но вдруг передумал, поднялся и подошёл к Марии.

— Спасибо, — сказал Билли уже совсем другим голосом.

Затем обнял её за талию.

Мария наклонилась и потрепала его по волосам. Она привыкла к его детской непосредственности, к постоянным вопросам и неожиданным признаниям, но в такие минуты мальчик казался ей особенно трогательным. Он не умел скрывать радость и никогда не пытался выглядеть равнодушным, когда происходило что-нибудь хорошее.

— Только береги её, хорошо? Я долго чинила колёса.

— Я буду беречь, — пообещал он. — А когда стану взрослым, построю такую же, только большую. Чтобы мы могли ездить в ней вместе.

— А Бурбуль куда поместится?

Билли озадаченно посмотрел на пса.

— Придётся построить очень большую машину.

Мать мальчика пригласила их в дом, откуда доносился запах выпечки. На кухонном столе стоял праздничный пирог под чистым полотенцем, а рядом лежали восемь небольших свечей разной длины. Настоящие праздничные свечи в Тусоне были редкостью, поэтому женщина собирала их несколько месяцев, бережно сохраняя остатки после других праздников.

Мария помогла расставить тарелки, разложить приборы и украсить комнату бумажными фигурками, которые Билли вырезал вместе с друзьями. Сам именинник тем временем пытался объяснить Бурбулю правила будущих соревнований на скорость. Псу предстояло бегать наперегонки с детьми, но при этом он не имел права слишком быстро добегать до финиша, потому что иначе соревнование становилось несправедливым.

Когда все собрались за столом, Билли торжественно задул восемь свечей. Лишь после этого мать разрезала пирог, а мальчик, получив свой кусок, снова заговорил о будущем.

— Когда я вырасту, я тоже пойду служить в Arma, — объявил он, с трудом справившись с большим куском пирога. — Буду ездить на разведку и находить людей, которые потерялись. А ещё у меня будет собственная машина.

Мать перестала разливать напиток по кружкам и посмотрела на сына.

— Я бы предпочла, чтобы ты стал врачом или инженером. Нам и без того хватает людей с оружием.

— Но тогда кто будет защищать город?

— Защитников у города уже немало, — ответила женщина. — А тебе пока достаточно научиться читать без ошибок и перестать терять школьные тетради.

Билли задумался, но ненадолго.

— Тогда я стану инженером в Arma. Буду чинить машины, а если понадобится, смогу стрелять.

Мария рассмеялась.

— Ты сначала научись собирать игрушечную машинку, не теряя винтики.

Мальчик посмотрел на неё с упрёком.

— Я и научусь. Ты же сама говорила, что нужно много тренироваться.

— Говорила.

— Вот и буду. А потом женюсь на тебе.

Мать Билли рассмеялась, а Мария едва не подавилась напитком.

— Опять начинается!

— А что? — совершенно искренне удивился мальчик. — Ты хорошая, Бурбуль меня любит, а ещё ты умеешь чинить машины. Зачем мне искать кого-то другого?

Мария посмотрела на его серьёзное лицо и почувствовала, как привычное желание подразнить мальчика уступает место нежности. Она прекрасно понимала, что для Билли все эти разговоры пока не имеют настоящего взрослого смысла. Он просто хотел, чтобы люди, которых он любит, всегда оставались рядом.

— Посмотрим, когда вырастешь, — ответила она.

Билли удовлетворённо кивнул, словно они только что заключили важнейшее соглашение, и снова принялся за пирог.

Позже к ним присоединились несколько соседских детей. Они играли во дворе, прятались за небольшим сараем, устраивали соревнования и спорили о том, кто сумеет дальше бросить деревянный мяч. Бурбуль сначала наблюдал за происходящим из тени крыльца, но затем всё-таки позволил втянуть себя в игру. Детям особенно нравилось, когда огромный пёс медленно преследовал их, нарочно уменьшая шаг, а потом внезапно ускорялся, вызывая восторженные крики.

Мария сидела на ступеньках и наблюдала за Билли. Он почти не выпускал из рук красную машинку. Даже когда бегал вместе с друзьями, держал её в кармане и время от времени проверял, не потерялась ли она.

Один раз он подошёл к девушке, сел рядом и протянул ей небольшую коробочку.

— Это тебе.

Мария удивлённо посмотрела на него.

— Билли, сегодня же твой день рождения.

— Знаю. Но я тоже хотел кое-что тебе подарить.

Внутри лежал маленький кулон: старая гайка, подвешенная на тонкой цепочке. Края металла были неровными, на поверхности виднелись следы неумелой полировки, но мальчик явно потратил немало времени, стараясь придать вещи аккуратный вид.

— Я сам сделал, — сообщил он. — Почти сам. Дядя из мастерской помог прикрепить цепочку.

Мария осторожно взяла кулон.

— Очень красивый.

— Правда?

— Правда. Спасибо тебе.

Билли немного помолчал, затем признался, что хотел подарить ей настоящее золотое украшение, но золота у него пока нет. Поэтому он решил, что металлическое тоже подойдёт.

Мария надела цепочку на шею и спрятала кулон под воротник кофты.

— Мне нравится именно этот. Другого не нужно.

Мальчик просиял и побежал обратно к друзьям.

Мария ещё некоторое время сидела на ступеньках, поглаживая Бурбуля по голове. Солнце поднялось высоко, и воздух наполнился сухим жаром. Где-то на соседней улице работал генератор, над крышами медленно проплыл небольшой облачный клочок, а со стороны центральной площади доносились голоса торговцев.

День был удивительно хорошим.

Лишь однажды Мария вспомнила об отце, когда над кварталом проехала армейская машина с несколькими вооружёнными солдатами. Она проводила её взглядом, подумала, что родители, наверное, уже добрались до южного поста, и снова вернулась к наблюдению за играющими детьми.

Беспокоиться пока не было причин.

Ближе к вечеру ветер переменился.

Со стороны пустошей потянуло сухой пылью, и мать Билли попросила детей закончить игры во дворе. Солнце медленно опускалось, окрашивая верхушки укреплений в тусклый красноватый цвет. На наблюдательной вышке возле дальней улицы сменился караул, а за соседними домами несколько раз проехали грузовики Arma.

Мария заметила, что солдаты двигаются быстрее обычного. Один из автомобилей даже не остановился возле контрольного поста, а прошёл через открытый шлагбаум, сопровождаемый коротким окриком дежурного.

Она нахмурилась.

В Тусоне существовали определённые правила движения военной техники, и Мария знала их достаточно хорошо, чтобы понимать: если машины едут через жилой район в таком количестве, значит, где-то происходит нечто необычное.

Впрочем, дети ничего не замечали. Билли устроился возле окна и пытался научить младшего приятеля правильно катать машинку по импровизированной дороге из деревянных дощечек. Он объяснял правила с такой серьёзностью, словно командовал настоящим транспортным подразделением.

Мать мальчика убирала со стола посуду, тихо напевая знакомую песенку. Мария помогала ей, время от времени выглядывая во двор.

— Что-то случилось? — спросила женщина, заметив её беспокойство.

— Не знаю. Просто сегодня слишком много машин.

Мать Билли подошла к окну. Некоторое время они молча наблюдали за улицей. Затем женщина опустила занавеску.

— Наверное, очередная проверка. В последнее время командование всё чаще усиливает патрули. Ты же знаешь, как бывает.

Мария кивнула, хотя объяснение её не вполне успокоило.

Она достала из кармана маленькую радиостанцию, которую отец оставил ей для связи с домашним постом на случай чрезвычайной ситуации. Устройство было старым, с потёртым корпусом и немного расшатанной антенной. Девушка включила его, проверила установленную частоту и попыталась вызвать дежурного.

Ответ пришёл не сразу.

Сначала в динамике раздались треск и обрывки чужого разговора. Наконец мужской голос коротко подтвердил, что связь работает, и попросил не занимать канал без необходимости.

— А вы не знаете, когда вернётся командир? — спросила Мария, стараясь говорить спокойно.

На другом конце линии возникла пауза.

— Информации пока нет. Находитесь дома и не выключайте приёмник.

Связь оборвалась.

Мария несколько секунд смотрела на радиостанцию. Ей не понравилось, насколько коротко ответил дежурный и как непривычно сухо прозвучал его голос. Обычно солдаты, знакомые с её отцом, охотно шутили с ней, спрашивали о Бурбуле и передавали приветы семье. Теперь никто не стал даже уточнять, зачем она вызывает пост.

— Наверное, заняты, — сказала мать Билли, когда Мария рассказала о разговоре.

Женщина попыталась улыбнуться, но сама подошла к входной двери и проверила замок.

Несколько минут спустя где-то далеко раздался глухой удар.

Он был настолько слабым, что сперва Мария приняла его за шум тяжёлого грузовика, проехавшего по разбитой дороге. Однако Бурбуль немедленно поднялся с пола. Пёс насторожил уши, повернул голову в сторону южной части города и застыл, напряжённо прислушиваясь.

Затем прозвучал второй удар.

На этот раз задрожало оконное стекло.

Дети замолчали.

Билли медленно поднялся с пола, прижимая к груди игрушечную машинку.

— Мам, что это было?

Женщина не ответила. Она подошла к окну, осторожно отодвинула занавеску и выглянула на улицу.

Вдалеке над крышами домов поднимался дым.

Мария почувствовала, как внутри неприятно похолодело.

Со стороны южных укреплений донеслась длинная автоматная очередь. За ней последовала другая, более отдалённая, а затем обе почти слились с короткими, резкими хлопками, которые эхом разносились между зданиями.

Мать Билли резко обернулась.

— Все в дом. Немедленно!

Оставшиеся во дворе дети испуганно бросились к двери. Женщина торопливо втолкнула их внутрь, захлопнула створку и задвинула засов. Мария подхватила радиостанцию, которая вдруг ожила, наполнив комнату хриплыми голосами.

— …южный периметр… повторяю… огонь со стороны дороги…

Слова тонули в помехах.

Затем кто-то закричал так громко, что Мария невольно отдёрнула устройство от лица:

— Они прорвали ворота! Южные ворота прорваны!

В радиостанции раздался резкий треск, и связь исчезла.

Несколько мгновений никто не двигался.

Снаружи продолжалась стрельба. Теперь она была значительно ближе. Где-то завыла тревожная сирена, сначала одна, затем другая, и вскоре над жилыми кварталами разнёсся непрерывный пронзительный звук, который Мария слышала прежде только во время учебных тревог.

Но тогда всегда заранее объявляли о проверке.

Теперь никто ничего не объявлял.

Мать Билли схватила сына за плечи и прижала к себе.

— Мария, веди детей в коридор. Там нет окон. Быстрее, пожалуйста!

Девушка подчинилась почти машинально. Она помогла младшим детям перебраться в узкое пространство между кухней и спальней, приказала им сесть возле стены и не двигаться. Билли последовал за ними, но, заметив, что Мария остаётся возле двери, попытался вернуться.

— Я с тобой.

— Нет, Билли. Ты должен сидеть с остальными.

— Но ты же не уходишь!

— Я сейчас приду. Обещаю.

Мальчик неохотно отступил, однако продолжал смотреть на неё, сжимая в руке машинку.

Бурбуль стоял посреди комнаты, напряжённый и совершенно неподвижный. Исчезли привычные расслабленность и добродушное сопение. Его огромная голова была направлена к входной двери, шерсть на загривке приподнялась, а из груди доносилось низкое предупреждающее рычание.

Мария знала этот звук.

Отец несколько раз брал её на тренировочную площадку Arma, где Бурбуля учили работать с патрулями. Пёс умел искать людей по запаху, выполнять команды на расстоянии и защищать сопровождаемого человека от нападения. Во время тренировок он двигался с удивительной для своих размеров скоростью. Мария всегда поражалась тому, как быстро её ласковый домашний великан превращался в сосредоточенное, бесстрашное животное, стоило инструктору произнести определённую команду.

Но до этого дня ей никогда не приходилось видеть, как Бурбуль реагирует на настоящую опасность.

Раздался новый взрыв.

На этот раз удар оказался настолько сильным, что со стены упала небольшая фотография в деревянной рамке. Стекло разбилось о пол, дети закричали, а где-то поблизости послышался тяжёлый грохот обрушившейся конструкции.

Мать Билли вскрикнула и прижала ладонь ко рту.

Мария подбежала к окну.

Над соседними крышами поднималось густое чёрное облако. По улице бежали люди. Кто-то тащил за собой большой рюкзак, кто-то нёс ребёнка на руках. Вдалеке несколько солдат Arma пытались организовать оборону возле перекрёстка. Один из них стоял на колене за бетонным ограждением и стрелял короткими очередями в сторону южной дороги.

Затем из-за угла появился вооружённый человек в грязной одежде. За ним выбежали ещё двое. Они двигались быстро, перебегая между машинами и стенами домов. Один остановился возле брошенного автомобиля, вскинул оружие и открыл огонь.

Солдат у перекрёстка упал.

Мария отшатнулась от окна.

Она прежде видела мёртвых людей. В мире, где даже хорошо защищённые города не могли полностью избавиться от болезней, несчастных случаев и нападений, смерть не являлась чем-то неизвестным. Но никогда ещё она не наблюдала, как человек падает посреди знакомой улицы, по которой всего несколько часов назад ходили дети.

Мать Билли подошла к ней и осторожно отодвинула от окна.

— Нам нужно уходить.

— Куда?

— К эвакуационному пункту. На северной стороне района есть старое школьное здание. Во время тревоги туда должны направлять жителей.

Мария кивнула. Она знала этот маршрут: отец несколько раз объяснял, куда необходимо двигаться при нападении на город. Сначала следовало добраться до внутреннего сборного пункта, затем ждать указаний Arma. Но в учебных инструкциях всё выглядело просто. Никто не объяснял, что делать, если по улицам уже бегают вооружённые люди, а выстрелы доносятся со всех сторон.

Женщина поспешно собрала небольшую сумку, бросив туда воду, бинты и несколько упаковок еды. Мария проверила заднюю дверь, ведущую во двор, и выглянула наружу.

Узкий проход между домами пока оставался пустым.

— Пойдём через задний двор, — сказала она. — Там можно выйти к соседней улице, а потом обойти перекрёсток.

Мать Билли согласилась.

Они уже собирались вывести детей, когда со стороны главного входа раздался тяжёлый удар.

Кто-то пытался открыть дверь.

Женщина замерла. Бурбуль немедленно бросился в прихожую, остановился возле двери и зарычал так громко, что дети снова начали плакать.

Снаружи послышались мужские голоса.

Один из незнакомцев грубо потребовал открыть, затем кто-то ударил по двери прикладом оружия.

— Здесь люди! — крикнул другой. — Я видел, как они заходили!

Мария почувствовала, как у неё пересохло во рту.

Мать Билли схватила её за руку.

— Уводи детей. Сейчас же.

— А ты?

— Я за вами. Не спорь, Мария!

Девушка бросилась к коридору. Она помогла младшим детям подняться и повела их к задней двери. Билли шёл последним, постоянно оглядываясь на мать.

В прихожей снова раздался удар.

Дерево треснуло.

Бурбуль взревел от ярости.

Мария распахнула заднюю дверь и практически вытолкнула детей во двор. Один из мальчиков споткнулся, упал на колени, но она помогла ему подняться и направила к узкому проходу между заборами.

Мать Билли выбежала следом.

В этот момент дверь в прихожей окончательно поддалась.

Из дома донеслись тяжёлые шаги, звон разбитой посуды и чей-то грубый окрик.

— Бурбуль! Ко мне! — закричала Мария.

Пёс бросился к ней, но остановился возле порога, повернув голову на шум внутри.

Через секунду в кухне появился вооружённый незнакомец.

Он был крупным, небритым, в грязной куртке и с повязкой на руке. Увидев людей во дворе, мужчина вскинул оружие.

Мария не успела даже закричать.

Бурбуль рванулся вперёд.

Огромное тело ударило незнакомца с такой силой, что тот потерял равновесие и рухнул на пол. Оружие вылетело из его рук. Мужчина попытался подняться, но пёс уже оказался над ним, яростно рыча и не позволяя пошевелиться. Послышался короткий крик, затем тяжёлый грохот опрокинутого стула.

Мария никогда прежде не видела Бурбуля таким.

Её ласковый великан, который позволял Билли засыпать у себя на спине и терпеливо переносил любые детские игры, сейчас действовал с пугающей решительностью. Она понимала, что пёс защищает их, но зрелище всё равно заставило её замереть от ужаса.

— Мария! — закричала мать Билли. — Уходи!

Девушка опомнилась, схватила Билли за руку и побежала через двор.

Остальные дети уже достигли соседнего прохода. Впереди показался мужчина из соседнего дома, который помог им перебраться через низкое ограждение. Мария успела крикнуть ему, чтобы он вёл детей к северной улице, а сама повернулась к Билли.

— Беги с ними!

Мальчик посмотрел на неё растерянно.

— А ты?

— Я заберу маму и Бурбуля. Мы сейчас придём.

Билли не хотел уходить. Он продолжал держать Марию за рукав, а в другой руке сжимал красную машинку.

— Я тебя подожду.

— Билли, пожалуйста, послушай меня!

Она почти никогда не повышала на него голос. Мальчик вздрогнул, отпустил её рукав и медленно попятился к проходу.

Именно в этот момент с соседней улицы раздалась новая очередь.

Мать Билли, которая бежала к ним через двор, внезапно остановилась. Её тело дёрнулось, словно кто-то резко потянул женщину назад. Она сделала ещё один неуверенный шаг, попыталась ухватиться за край садового стола и упала возле дорожки.

Мария не сразу поняла, что произошло.

Женщина лежала на боку, прижимая руку к животу. Между пальцами быстро проступала кровь, пропитывая светлую ткань платья.

— Мама! — закричал Билли.

Мария попыталась удержать его, но мальчик неожиданно вырвался и бросился через двор.

— Билли, стой!

Он не услышал.

Его маленькие ноги быстро перебирали по пыльной дорожке. Красная машинка всё ещё оставалась в руке. Мальчик бежал к матери, выкрикивая её имя, и Мария потом много раз будет вспоминать именно этот момент: развевающуюся рубашку, светлые волосы, испуганное лицо и маленькую красную игрушку, крепко зажатую в кулаке.

Она рванулась за ним.

В следующую секунду прозвучал выстрел.

Билли резко остановился.

Его тело словно потеряло опору. Он сделал короткий, неловкий шаг, а затем упал на землю совсем рядом с матерью.

Мария замерла.

Несколько мгновений ей казалось, что мальчик просто споткнулся. Сейчас он поднимется, отряхнёт колени и снова побежит к матери. Она даже открыла рот, собираясь крикнуть, чтобы он не лежал посреди двора.

Но Билли не двигался.

Красная машинка выпала из его руки и откатилась к краю дорожки.

Мать мальчика издала страшный, надрывный крик.

Мария бросилась к нему, опустилась на колени и осторожно перевернула на спину. Она звала его по имени, трогала за плечи, пыталась поймать взгляд. Его глаза были открыты, но смотрели куда-то мимо неё.

— Билли? Слышишь меня? Билли, пожалуйста…

Она прижала ладонь к его груди, пытаясь понять, дышит ли он. Отец когда-то объяснял ей основы первой помощи, показывал, как накладывать повязки и останавливать кровотечение, но сейчас все эти знания исчезли. Перед ней лежал маленький мальчик, которому ещё утром исполнилось восемь лет и который несколько часов назад рассказывал, какой огромный автомобиль построит, когда вырастет.

Мария попыталась нащупать пульс. Её пальцы дрожали так сильно, что она почти не чувствовала собственных прикосновений.

— Пожалуйста, — шептала она. — Билли, ну пожалуйста, открой глаза…

Он не отвечал.

Мать протянула к нему окровавленную руку, пытаясь доползти по земле, но силы оставляли её. Она продолжала звать сына, иногда срываясь на хриплый кашель. Мария подхватила мальчика под плечи и придвинула ближе, чтобы женщина могла коснуться его.

— Мой маленький… — прошептала мать. — Билли, родной мой…

Она положила ладонь ему на щёку.

Мария смотрела на них, чувствуя, как происходящее теряет всякий смысл. Ещё совсем недавно эта женщина смеялась за праздничным столом, поправляла сыну воротник и просила не пачкать новую рубашку. Теперь она лежала на земле возле собственного дома и смотрела на ребёнка, который больше никогда не ответит ей.

Мария знала, что должна действовать. Где-то поблизости продолжалась стрельба, над соседними крышами поднималось пламя, а вооружённые люди могли появиться в любой момент. Но она не могла заставить себя отпустить Билли.

Он был ещё тёплым.

От этого становилось особенно страшно.

Ей казалось, что если она подержит его немного дольше, если сумеет правильно положить руки или вспомнит нужные слова, то он обязательно снова вдохнёт.

Бурбуль появился во дворе совершенно бесшумно. На его морде виднелись тёмные пятна, он тяжело дышал, но двигался уверенно. Пёс подбежал к Марии, коротко обнюхал мальчика и остановился возле неё.

Затем тихо заскулил.

Мария обернулась на этот звук и впервые заплакала.

Она плакала не так, как плачут после обиды или испуга. Слёзы катились сами собой, а из груди вырывались короткие, болезненные всхлипы. Ей хотелось закричать, позвать отца, потребовать, чтобы кто-нибудь немедленно пришёл и объяснил, как исправить произошедшее.

Но никто не приходил.

Вокруг раздавались выстрелы, трещали горящие деревянные конструкции, а над городом продолжала выть тревожная сирена.

Мать Билли медленно повернула голову к Марии.

— Послушай меня…

Девушка наклонилась ближе.

— Я помогу вам, — поспешно сказала она. — Сейчас мы найдём кого-нибудь из Arma. Они привезут врача. Я смогу… я…

— Мария.

Женщина произнесла её имя с таким усилием, что девушка замолчала.

— Ты должна уходить.

— Нет. Я не оставлю вас здесь.

Мать Билли попыталась вдохнуть глубже, но лицо исказилось от боли. Она несколько секунд лежала неподвижно, собираясь с силами, затем осторожно коснулась руки сына.

— Я знаю, что с ним произошло, — тихо сказала она. — Не нужно мне ничего объяснять.

Мария почувствовала, как по щекам снова потекли слёзы.

— Простите меня… Я не успела его остановить. Я держала его за руку, но он вырвался, и я…

— Не смей винить себя.

Голос женщины был слабым, однако в нём неожиданно прозвучала прежняя материнская строгость.

— Слышишь? Ты не виновата. Ты пыталась нас спасти.

Мария покачала головой. Она не могла принять эти слова. Перед глазами всё ещё стоял Билли, бегущий через двор с игрушкой в руке. Ей казалось, что достаточно было удержать

его чуть крепче, сделать один шаг раньше или просто не позволить ему выйти из дома, и всё закончилось бы иначе.

Мать мальчика вновь закашлялась. Кровь продолжала пропитывать одежду, дыхание становилось всё более прерывистым. Женщина попыталась приподняться, но сразу бессильно опустилась на землю.

— Я не смогу идти, — сказала она после долгой паузы. — Даже если ты поможешь, мы не доберёмся до северного пункта.

— Я могу вас понести. Или позову солдат. Они же должны быть где-то рядом.

— Мария, посмотри на меня.

Девушка подняла глаза.

Женщина осторожно протянула руку и коснулась её щеки. Пальцы были холодными, испачканными кровью, но прикосновение показалось Марии неожиданно знакомым. Так мать Билли иногда поправляла ей волосы, когда девушка приходила в гости, или благодарила за помощь по дому.

— Я очень тебя люблю, — прошептала женщина. — Ты была ему как старшая сестра. Он всё спрашивал о тебе… Где Мария, что делает, когда снова придёт.

Она попыталась улыбнуться, но губы задрожали.

— Сегодня утром он проснулся ещё до рассвета. Ему приснилось, будто вы отправились путешествовать. Знаешь, что он больше всего хотел тебе показать?

Мария не смогла ответить.

— Море. Прочитал о нём в книге и решил, что обязательно тебя туда отвезёт. Всё спрашивал, бывает ли вода такой большой, что другого берега не видно.

Женщина замолчала, тяжело дыша.

Мария осторожно прижала к груди руку Билли.

Ей вспомнилось, как мальчик однажды пытался объяснить, что океан наверняка похож на огромное озеро, только с настоящими кораблями. Он хотел построить лодку, взять с собой Бурбуля и посмотреть, действительно ли за горизонтом ничего нет.

Теперь он никогда не увидит моря.

Мать Билли медленно убрала руку с его лица.

— Возьми что-нибудь на память о нём, — попросила она. — Хочу, чтобы ты помнила, каким он был.

Мария посмотрела на красную машинку, лежавшую возле дорожки. Она протянула руку, подняла игрушку и осторожно стряхнула пыль.

Одно колесо оказалось повреждено.

Мария вспомнила, как несколько дней назад старательно выравнивала ось, чтобы машинка ехала прямо.

— Я буду помнить, — прошептала Мария. — Обещаю.

Женщина закрыла глаза.

Некоторое время они оставались рядом, почти не двигаясь. Мария продолжала держать Билли за руку, а Бурбуль настороженно прислушивался к шуму за забором.

Затем со стороны дома раздались чужие голоса.

Мария подняла голову.

Кто-то приближался.

Мать Билли тоже услышала шаги. Она открыла глаза, и на её лице появилось выражение, которого Мария никогда не забудет. Это был не только страх смерти. Женщина понимала, что вооружённые незнакомцы могут сделать с теми, кого обнаружат во дворе. Она слышала крики с соседних улиц, видела огонь над крышами и знала, что ждать помощи больше нельзя.

— Мария… — едва слышно позвала она. — Пожалуйста, не оставляй меня им.

Девушка посмотрела на неё, не сразу понимая смысл сказанного.

— Мы уйдём вместе.

Женщина покачала головой.

— Нет, родная. Ты должна жить. У тебя есть родители. Они будут тебя искать.

Мария закрыла лицо ладонью.

— Я не могу…

Мать Билли протянула руку к Бурбулю. Пёс осторожно приблизился и опустил голову возле её плеча. Женщина провела пальцами по его шерсти. Несколько мгновений она молчала, собираясь с силами, затем посмотрела на Марию.

— Ты знаешь, что делать.

Девушка медленно подняла глаза.

Она поняла.

— Нет, — прошептала Мария. — Пожалуйста, не просите меня об этом.

Женщина тяжело дышала, но продолжала гладить пса. По её лицу текли слёзы.

— Я не хочу, чтобы они нашли меня живой. И не хочу… ждать здесь одна. Пожалуйста.

Мария смотрела на неё с ужасом. Перед ней находился человек, которого она знала почти всю свою жизнь. Женщина, которая кормила её праздничными пирогами, ругала за грязную обувь, разрешала оставаться на ночь, когда родители задерживались на службе, и всегда говорила, что в их доме для Марии найдётся место.

Теперь этот человек просил о том, чего четырнадцатилетняя девочка не должна была делать никогда.

Снаружи послышались тяжёлые шаги. Мужской голос грубо приказал кому-то проверить задний двор.

Бурбуль повернул голову и зарычал.

Мать Билли с трудом потянула Марию за рукав.

— Не смотри, — прошептала она. — Просто уходи. И живи, слышишь? Живи за себя.

Мария обняла её.

Она не помнила, сколько продолжалось это объятие. Возможно, всего несколько секунд. Ей казалось, что время остановилось, оставив их посреди разрушенного двора, где ещё совсем недавно дети смеялись и праздновали день рождения.

Потом женщина сама осторожно отстранила её.

— Иди, моя хорошая.

Мария поднялась на ноги.

Она сделала несколько шагов назад, не отрывая взгляда от матери Билли. Та продолжала лежать рядом с сыном, одной рукой касаясь его волос.

Бурбуль стоял возле неё.

Мария произнесла команду, которой его учили во время тренировок Arma.

Слова прозвучали тихо, почти неразборчиво.

Пёс на мгновение повернул к ней голову, словно не понимая, почему хозяйка отдаёт этот приказ.

Мария повторила его.

А затем отвернулась.

Мария не видела того, что произошло дальше. Она слышала лишь короткое движение за спиной, затем звук, который навсегда останется в её памяти. Девушка зажала рот ладонью, чтобы не закричать, и побежала к узкому проходу между заборами.

Её ноги подкашивались. Она несколько раз споткнулась, ударилась плечом о стену и едва не упала возле старой деревянной калитки. Где-то за спиной послышался яростный лай Бурбуля, затем выстрелы и крики незнакомцев.

Мария остановилась, прижавшись к стене.

Ей хотелось вернуться.

Хотелось снова увидеть Билли, взять его на руки и отнести в дом, где ещё сохранился запах праздничного пирога. Хотелось подбежать к его матери, сказать, что всё произошло неправильно, что она сейчас найдёт врача и они обязательно исправят эту ужасную ошибку.

Но возвращаться было некуда.

Во дворе оставались два человека, которых она любила. Марии казалось, что помочь им она уже не в силах.

Мария опустилась на колени возле стены, прижимая к груди сломанную красную машинку.

Она плакала так сильно, что перестала замечать происходящее вокруг. Воздуха не хватало, перед глазами темнело, а руки судорожно сжимали маленькую игрушку. В какой-то момент она начала шептать имя Билли, повторяя его снова и снова, словно боялась, что, если замолчит, мальчик исчезнет окончательно.

Из оцепенения её вывело знакомое тяжёлое дыхание.

Бурбуль появился возле прохода. Он двигался медленнее обычного, прихрамывая на переднюю лапу. На его шерсти виднелись следы схватки, однако пёс оставался на ногах. Увидев Марию, он сразу направился к ней и осторожно ткнулся мордой в её плечо.

Девушка обняла его за шею.

— Что мы наделали, Бурбуль?.. — прошептала она сквозь слёзы. — Господи, что же мы наделали…

Пёс тихо заскулил и прижался к ней.

Они сидели так несколько мгновений, пока над соседней улицей не раздалась новая серия выстрелов. Затем Бурбуль поднял голову, прислушался и настойчиво потянул хозяйку за рукав.

Мария поняла, что оставаться здесь нельзя.

Она осторожно поднялась, спрятала машинку в карман и, опираясь рукой о стену, направилась к соседнему двору.

Её собственный дом находился неподалёку. Если удастся добраться туда, она сможет взять рюкзак, воду и оружие, которое отец хранил в запирающемся шкафу. Затем нужно будет пробраться к северному сборному пункту.

Она старалась думать исключительно об этих действиях. Стоило сознанию вернуться к Билли, к его матери или к последнему приказу Бурбулю, как ноги начинали дрожать и хотелось снова упасть на землю.

Поэтому Мария заставляла себя смотреть вперёд.

До собственного дома она добралась почти через двадцать минут.

Обычно путь занимал не больше пяти.

За это время знакомая улица изменилась настолько, что Мария несколько раз сомневалась, правильно ли выбрала направление. Один из соседних домов горел. Возле перекрёстка стояла перевёрнутая машина, вокруг которой были разбросаны металлические обломки. По дороге тянулся длинный след крови, исчезавший за углом здания.

На другой стороне улицы лежал человек в форме Arma. Мария узнала его по характерной походной куртке и высокому воротнику, но не решилась подойти ближе.

Бурбуль держался рядом, время от времени останавливаясь и принюхиваясь. Когда на соседнем перекрёстке появились двое вооружённых незнакомцев, пёс тихо зарычал, предупреждая хозяйку. Мария успела спрятаться за бетонным ограждением и дождалась, пока люди пройдут мимо.

Один из них смеялся.

Этот смех потряс её едва ли не сильнее выстрелов. Ей казалось невозможным, чтобы человек мог смеяться посреди такого ужаса, среди горящих домов, испуганных детей и мёртвых людей. Но незнакомец смеялся совершенно свободно, словно происходящее доставляло ему удовольствие.

Второй мужчина нёс несколько сумок, очевидно забранных из соседних домов. На плече у него висело оружие, а на ремне болталась чужая связка ключей.

Мария смотрела им вслед и постепенно начинала понимать, почему отец так редко рассказывал о мире за стенами Тусона.

Она всегда представляла себе опасность как нечто понятное: голодного зверя, вооружённого преступника, человека, который нападает ради еды или воды. Но люди, ворвавшиеся в город, действовали иначе. Они не просто пытались захватить запасы или прорваться через укрепления. Некоторые намеренно убивали тех, кто уже не представлял никакой угрозы. Другие поджигали дома, вытаскивали жителей на улицу, избивали сопротивляющихся и уводили связанных людей в сторону южных ворот.

Мария видела женщину, которая на коленях умоляла отпустить её мужа. Видела старика, пытавшегося закрыть собой дверь собственного дома. Слышала детский плач из здания, к которому никто не решался приблизиться из-за продолжающейся стрельбы.

Она понимала, что не может помочь всем.

Но понимание не делало происходящее менее страшным.

Когда Мария наконец добралась до дома, входная дверь оказалась закрытой. Девушка достала ключ, несколько раз промахнулась мимо замочной скважины и только с третьей попытки сумела открыть.

Внутри всё оставалось таким же, каким было утром.

На кухне стояли чистые тарелки, возле раковины лежало полотенце, а на столе оставалась почти пустая баночка клубничного варенья. Один из блинов, который Мария не доела за завтраком, по-прежнему находился под перевёрнутой тарелкой.

Она остановилась в дверях.

Ей вдруг показалось, что мать сейчас выйдет из соседней комнаты и спросит, почему дочь вернулась так поздно. Отец сядет за стол, снимет форменную куртку и начнёт рассказывать, как прошёл день. Бурбуль устроится возле камина, а сама Мария будет жаловаться, что Билли опять целый вечер приставал к ней с разговорами о свадьбе.

Но дом молчал.

Всё было на месте, и именно это казалось невыносимым.

Мария медленно подошла к столу, коснулась пальцами холодной тарелки и неожиданно вспомнила, как утром мать поправляла ей волосы. Потом — как отец обнимал её возле машины.

Они ещё не знали, что случилось в городе.

Возможно, находились далеко за пределами укреплений и пытались связаться с командованием. Возможно, уже возвращались домой. Мария отчаянно хотела поверить, что скоро услышит знакомый шум двигателя возле калитки.

Она схватила радиостанцию и попыталась вызвать отцовский пост.

В ответ раздался только треск.

Мария несколько раз повторила вызов, меняла частоты, прислушивалась к обрывкам чужих переговоров, но никто не ответил.

Наконец она положила устройство на стол.

Бурбуль подошёл к ней и осторожно лизнул руку.

— Мы найдём их, — сказала Мария, сама не зная, убеждает ли пса или себя. — Обязательно найдём.

Она заставила себя действовать.

Сначала поднялась в спальню и достала небольшой туристический рюкзак, который отец подарил ей на прошлый день рождения. Затем собрала бутылки с водой, сухую еду, запасную одежду и аптечку. В отцовском шкафу нашла оружие и запасные магазины, которые он хранил

в отдельном запирающемся отделении. Ключ находился там, где отец велел искать его на случай чрезвычайной ситуации.

Мария некоторое время держала оружие в руках.

Отец несколько раз учил её обращаться с ним на тренировочной площадке. Он объяснял, что оружие не делает человека сильным и не должно становиться средством решения любых проблем. Оно может спасти жизнь, но может и отнять её по ошибке, если держать его неосторожно или забыть о последствиях выстрела.

Тогда Мария воспринимала эти уроки как возможность доказать, что она уже достаточно взрослая.

Теперь ей хотелось никогда не пользоваться полученными знаниями.

Она проверила предохранитель и убрала оружие в подходящую кобуру. Затем вложила в боковой карман рюкзака радиостанцию: даже если сейчас никто не отвечал, она ещё могла пригодиться. Только после этого Мария застегнула рюкзак.

Затем её взгляд остановился на фотографии, стоявшей возле кровати.

На снимке были все трое: отец, мать и она сама. Фотографию сделали прошлым летом во дворе дома. Мария стояла между родителями, немного сердито глядя в камеру, потому что отец слишком долго пытался настроить старый фотоаппарат. Мать улыбалась, обнимая дочь за плечи, а Бурбуль лежал возле их ног, занимая почти половину кадра.

Мария сняла фотографию, осторожно вынула из рамки и сложила.

Она не знала, увидит ли этот дом снова.

Мысль оказалась настолько страшной, что девушка на мгновение перестала дышать.

Ещё утром она считала Тусон единственным местом, где можно жить по-настоящему. Здесь находились её школа, друзья, знакомые улицы и всё, что она привыкла называть домом. За стенами существовал огромный незнакомый мир, о котором она знала лишь по чужим рассказам.

Теперь этот мир ворвался внутрь.

Она убрала фотографию в рюкзак и уже собиралась выйти, когда вспомнила о подарке Билли.

Медленно расстегнула воротник кофты и достала металлический кулон.

Он висел на тонкой цепочке, неровный, немного смешной, сделанный детскими руками из старой гайки. Мария провела по нему пальцами и почувствовала, как снова защипало глаза.

Билли подарил его ей всего несколько часов назад.

Тогда он стоял возле крыльца, улыбался и объяснял, что настоящее золото достать не удалось. Мария помнила его голос, интонацию, каждую неловкую попытку выглядеть взрослым.

Теперь один из немногих предметов, напоминавших ей о Билли, помещался в ладони.

Она снова спрятала кулон под одежду.

Красную машинку положила в отдельный карман рюкзака, предварительно завернув в чистый платок.

Затем вышла во двор.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Над городом поднимались огромные столбы дыма, окрашенные последними красноватыми лучами. Далеко на юге продолжалась стрельба, но теперь она доносилась неравномерно: короткие ожесточённые перестрелки сменялись тревожными паузами, во время которых особенно отчётливо слышались крики людей и грохот горящих строений.

Мария направилась к северной дороге.

Бурбуль шёл рядом, заметно прихрамывая, но не отставал.

На перекрёстке им встретилась небольшая группа жителей, двигавшихся в том же направлении. Среди них были пожилой мужчина, женщина с ребёнком на руках и двое подростков. Один из подростков нёс охотничье ружьё, другой помогал старику идти.

Увидев Марию, женщина остановилась.

— Девочка, ты одна?

Мария хотела ответить, что с ней Бурбуль, но вместо этого неожиданно произнесла:

— Мои родители уехали утром. Отец служит в Arma. Он должен был вернуться, но я не могу с ним связаться.

Женщина посмотрела на неё с сочувствием.

— Сейчас связь почти нигде не работает. Мы идём к северному пункту. Там собирают людей и вывозят за пределы охваченного боем района. Пойдём с нами.

Мария кивнула.

Они двинулись вместе.

По дороге к ним присоединялись другие жители. Кто-то нёс небольшие сумки, кто-то двигался практически без вещей. Некоторые были ранены, идущие рядом помогали им добраться до сборного пункта. Один мужчина постоянно повторял имя своей жены и спрашивал каждого встречного, не видел ли кто-нибудь женщину в синем платье.

Мария старалась не смотреть ему в лицо.

Она боялась услышать знакомые имена.

Возле старой школы их остановили солдаты Arma. Несколько грузовиков стояли вдоль дороги, двигатели работали, а рядом с воротами собралось множество испуганных людей. Военные проверяли раненых, помогали детям забраться в кузова и пытались удержать порядок среди тех, кто требовал немедленной эвакуации.

Мария увидела знакомую форму и впервые за последние часы почувствовала слабое облегчение.

Она подошла к ближайшему солдату.

— Простите, мне нужно узнать об отце. Он командует одним из подразделений. Сегодня утром уехал на южный опорный пункт.

Военнослужащий посмотрел на неё, затем на Бурбуля.

— Как зовут твоего отца?

Мария назвала имя и должность отца.

Солдат нахмурился и переглянулся с товарищем.

— Ты его дочь?

— Да. Вы знаете, где он?

Мужчина не ответил сразу. Он устало провёл ладонью по лицу, испачканному сажей, и посмотрел в сторону грузовиков.

— Сейчас у нас нет полной информации по внешним подразделениям. Часть каналов связи потеряна, многие группы ещё не вышли к точкам сбора.

— Но он жив?

Солдат снова замолчал.

Мария почувствовала, как сердце начинает стучать быстрее.

— Пожалуйста. Скажите хотя бы, слышали ли вы что-нибудь о нём.

— Я не знаю, — осторожно ответил мужчина. — Не потому, что скрываю что-то плохое. У меня действительно нет сведений. Сейчас главное — вывести вас отсюда. Если командир вернётся на связь, информация поступит в штаб.

Мария хотела возразить, но солдат уже повернулся к женщине, которая несла на руках раненого ребёнка.

Девушка отошла в сторону.

Она понимала, что требовать ответа бессмысленно. Военные едва справлялись с потоком беженцев, а нападение на город всё ещё продолжалось. Но неопределённость была мучительной. Ей хотелось знать хотя бы, где находятся родители и смогут ли они вернуться домой.

Бурбуль осторожно ткнулся мордой в её руку.

— Мы их найдём, — повторила Мария.

На этот раз слова прозвучали совсем тихо.

У одного из грузовиков раздался громкий окрик.

— Дети и раненые — вперёд! Остальные занимают свободные места! Машины отправляются через три минуты!

Люди начали двигаться быстрее.

Мария подошла к кузову, но остановилась возле борта, когда заметила, что Бурбуль не сможет самостоятельно забраться внутрь из-за повреждённой лапы.

— Подожди, большой, — прошептала она. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Один из солдат увидел её затруднение и подошёл ближе.

— Собаку придётся оставить, девочка. У нас нет места для животных.

Мария медленно повернулась к нему.

— Нет.

— Послушай, мы вывозим людей. У нас раненые, дети, старики. Ты же сама видишь, что происходит.

— Он пойдёт со мной.

Солдат посмотрел на огромного пса, затем на девушку.

— Это приказ.

Мария почувствовала, как внутри поднимается нечто похожее на отчаяние и ярость одновременно.

За один день у неё отняли почти всё, что составляло её привычную жизнь. Она не знала, где родители. Её дом мог сгореть в любую минуту. Билли был мёртв, а мать мальчика осталась во дворе после страшного приказа, о котором Мария никогда не сможет забыть.

Теперь незнакомый человек предлагал оставить единственного живого друга, который оставался рядом с ней.

— Тогда я тоже останусь, — сказала Мария.

Солдат открыл рот, собираясь возразить, но остановился, увидев выражение её лица.

Она не кричала и не плакала. Просто стояла возле грузовика, крепко сжимая ремень рюкзака, а рядом с ней находился огромный измученный пёс, который едва держался на раненой лапе.

— Он меня защищал, — добавила девушка. — Сегодня он несколько раз спас мне жизнь. Я его не брошу.

Военнослужащий тяжело вздохнул.

Некоторое время он смотрел на неё, затем обернулся к товарищам.

— Помогите поднять собаку. Только посадите ближе к борту, чтобы никого не придавила.

Мария не сразу поверила, что услышала.

— Спасибо, — прошептала она.

Солдат махнул рукой.

— Благодарить будешь потом. Сейчас забирайся.

Вдвоём с другим бойцом они помогли Бурбулю подняться в кузов. Пёс недовольно заворчал, когда его подхватили под живот, но сопротивляться не стал. Мария устроилась рядом, положила рюкзак на колени и осторожно обняла животное за шею.

Вокруг сидели люди, которых она никогда прежде не видела. Женщина с маленькой девочкой, пожилой мужчина с перевязанной рукой, подросток, прижимавший к груди старую книгу, и несколько солдат с усталыми, осунувшимися лицами. Некоторые тихо плакали, другие смотрели в пустоту, словно всё ещё не могли осознать произошедшее.

Грузовик тронулся.

Сначала медленно, осторожно объезжая обломки на дороге. Затем двигатель взревел громче, и машина начала набирать скорость.

Мария обернулась.

За кузовом оставался Тусон.

Город, который ещё утром казался ей нерушимым, теперь горел. Над жилыми кварталами поднимались столбы чёрного дыма, между крышами вспыхивали языки пламени, а на дальних улицах всё ещё слышались выстрелы. Некоторые здания погрузились в темноту, другие освещались пожаром настолько ярко, что были видны даже с большого расстояния.

Где-то среди этих домов находилась её комната с письменным столом возле окна. На столе по-прежнему стояла баночка варенья, которую мать закрыла перед отъездом. Возле кровати пустовало место, где утром сидел Бурбуль. Во дворе дома Билли всё ещё стоял праздничный стол, за которым они смеялись, спорили и говорили о будущем.

Мария закрыла глаза.

Она попыталась вспомнить мальчика живым.

Не таким, каким видела его в последние минуты, а обычным — веснушчатым, шумным, с нелепо серьёзным выражением лица, когда он рассказывал о собственных планах. Ей представилось, как Билли снова стоит на крыльце, держит красную машинку и объясняет, что однажды построит настоящий автомобиль, способный доехать до моря.

Она вспомнила его подарок.

Осторожно коснулась металлического кулона под одеждой и почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Я не забуду тебя, — прошептала Мария.

Слова потонули в шуме двигателя.

Бурбуль положил тяжёлую голову ей на колени. Девушка осторожно погладила его, стараясь не задеть повреждённую лапу. Пёс вздохнул и прикрыл глаза, впервые за последние часы позволив себе немного расслабиться.

Мария смотрела на него и думала о том, что он, наверное, тоже не понимает, почему они больше не идут домой. Почему не возвращаются к знакомой калитке, где мать обычно оставляла для него миску с водой. Почему вместо мягкой подстилки возле камина приходится лежать на холодном металлическом полу грузовика среди незнакомых людей.

Она не знала, как объяснить ему всё это.

Не знала, как объяснить самой себе.

Грузовик проехал последний внутренний блокпост и вышел на дорогу, ведущую прочь от охваченного огнём района. На горизонте темнели горы, над которыми постепенно появлялись первые звёзды. Небо оставалось удивительно чистым, словно происходящее внизу не имело к нему никакого отношения.

Мария ещё раз обернулась.

Вдали над Тусоном продолжало подниматься красноватое зарево.

Где-то там остались её родители — или, по крайней мере, последняя дорога, по которой она видела их уезжающими. Она не знала, находятся ли они в безопасности, пытаются ли вернуться домой или уже ищут её среди эвакуированных жителей.

Но Мария была уверена, что отец не перестанет искать.

Он всегда держал слово.

Во время утреннего прощания он сказал, что сделает всё, чтобы вернуться домой. Она помнила его голос, тёплую ладонь на своём плече и запах форменной куртки.

Мария крепче обняла Бурбуля и прислонилась спиной к борту грузовика.

Впереди лежала тёмная незнакомая дорога. Она не знала, куда их везут, что ждёт за пределами города и найдётся ли там место, которое можно будет назвать домом. Ей было страшно, больно и холодно, несмотря на ещё сохранявшееся после дневной жары тепло.

В кармане рюкзака лежала маленькая красная машинка со сломанным колесом. На груди висел кулон, сделанный руками мальчика, который мечтал однажды увидеть море.

Мария осторожно провела пальцами по цепочке.

Утром она проснулась в своей кровати, посмеялась над Бурбулем, позавтракала с родителями и отправилась на день рождения Билли. Тогда ей казалось, что впереди обычный день, за которым обязательно последуют другие: новые школьные занятия, прогулки, семейные ужины, праздники и маленькие события, из которых складывается жизнь.

Теперь всё это осталось где-то позади.

Она не знала, что произошло с родителями, не знала, сколько ещё людей сумеют выбраться из Тусона, и не представляла, как будет жить с воспоминаниями о сегодняшнем дне. Но у неё оставалось то, за что можно было держаться: надежда снова увидеть отца и мать и огромное верное существо, доверчиво положившее голову ей на колени.

Мария наклонилась и прижалась щекой к тёплой шерсти Бурбуля.

— Мы их найдём, — тихо сказала она. — А потом обязательно вернёмся домой.

Пёс немного пошевелился, услышав её голос, и слабо вильнул хвостом.

Девушка продолжала гладить его, пока зарево горящего города не скрылось за поворотом дороги.

Она ещё не знала, что иногда человек может дать самое искреннее обещание в своей жизни и всё равно оказаться бессильным его выполнить.

Но той ночью Мария продолжала верить.

Потому что иначе ей было бы совершенно не за что держаться.

Конец главы 2 «До того, как наступила тьма».

Глава 3

Глава 3. Цена надежды

Утро принесло с собой холод и тяжёлую сырость, которая за ночь пропитала землю, одежду и даже воздух внутри пещеры. Дождь прекратился незадолго до рассвета, однако с деревьев по-прежнему срывались крупные капли, разбиваясь о камни возле входа. В лесу постепенно светлело. Сквозь густые сосновые ветви пробивался серый утренний свет, медленно открывая неровные очертания скал и покрытые мхом стволы деревьев. Маркус сидел возле потухшего костра, прислонившись спиной к холодной стене, и наблюдал за спящим сыном. За ночь ему так и не удалось нормально отдохнуть. Каждый раз, когда усталость заставляла закрыть глаза, память возвращала его к событиям последних дней, а стоило задремать хотя бы на несколько минут, как раздавался слабый стон Оливера или мальчик начинал беспокойно ворочаться под старым одеялом.

Ночью состояние ребёнка не улучшилось. Жар по-прежнему держался, дыхание временами становилось тяжёлым, а медицинская повязка, крепление которой Маркус осторожно поправлял накануне, успела пропитаться выделениями из воспалённых ран. Мужчина несколько раз осторожно проверял её, пытаясь понять, не стало ли хуже, но каждый осмотр лишь усиливал тревогу. Он прекрасно понимал, что недостаточно просто содержать повязку в относительной чистоте и надеяться на естественное заживление. Оливер нуждался в настоящем враче, лекарствах и условиях, которых здесь не было. Оставаться в пещере означало постепенно терять драгоценное время, а отправиться в путь — подвергнуть сына новым испытаниям. Однако к рассвету выбор перестал казаться таким сложным: бездействие уже само по себе становилось опаснее неизвестности.

Маркус осторожно поднялся, придерживаясь ладонью за выступ каменной стены. После долгого сидения ноги плохо слушались, раненый бок неприятно тянуло, а при попытке наклониться за рюкзаком перед глазами возникли тёмные пятна. Ему пришлось несколько секунд стоять неподвижно, дожидаясь, пока головокружение отступит. Травма головы, полученная в плену, напоминала о себе всё чаще, особенно после бессонных ночей и продолжительной ходьбы. Раны возле плеча и поясницы тоже доставляли немало неприятностей: старая ткань прилипала к повреждённой коже, каждое неловкое движение отдавалось тупой болью. Но сильнее собственного состояния его пугала мысль, что однажды он просто не сумеет поднять сына. Семилетний мальчик сильно похудел за последние дни, однако Маркусу всё равно приходилось нести его часами, а с каждым новым переходом сил оставалось всё меньше.

Он достал из рюкзака единственную банку рыбных консервов и несколько крекеров, разложил их на относительно чистом участке ткани и попытался решить, как разделить остатки еды. Воды во фляге было совсем немного. Ночью он сумел собрать во флягу немного дождевой воды, поставив её возле входа под струйку, стекавшую с каменного выступа. Кипятить её было не в чем, поэтому Маркус понимал, что даже этой водой нельзя пользоваться без риска. Им требовался более надёжный источник. Маркус рассматривал жалкие припасы, вспоминая обыкновенные семейные завтраки, когда Оливия заставляла его доедать кашу, а Оливер пытался выпросить ещё одну ложку варенья. Тогда мужчина порой раздражался, если еда оказывалась слишком холодной или приходилось ждать, пока приготовится вторая порция. Теперь подобные воспоминания вызывали почти мучительное чувство стыда. Он отдал бы многое за возможность снова услышать, как жена сердится на него из-за какой-нибудь совершенно незначительной домашней мелочи.

За спиной послышалось тихое движение. Оливер пошевелился под одеялом, осторожно протянул руку и начал искать пальцами край отцовской куртки. С тех пор как он перестал видеть, это движение стало привычным. Просыпаясь, мальчик прежде всего пытался убе-

диться, что рядом находится кто-то знакомый, и лишь после этого начинал спрашивать, где они находятся и что происходит вокруг. Маркус сразу вернулся к нему, присел возле одеяла и вложил свои пальцы в маленькую горячую ладонь.

— Доброе утро, малыш. Как ты себя чувствуешь? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Оливер некоторое время лежал молча, словно прислушивался к собственным ощущениям, затем признался, что голова по-прежнему болит, а под повязкой иногда возникает такое чувство, будто в глаза попал песок. Он хотел было потереть лицо, но Маркус осторожно остановил его руку и напомнил, почему сейчас этого делать нельзя. Мальчик послушно опустил ладонь, немного повернулся на бок и спросил, закончилось ли дождливое утро или они всё ещё находятся посреди ночи. Отец рассказал, что за деревьями уже светло, хотя небо остаётся серым и солнце почти не видно. Оливер прислушался к звукам леса и удивился, почему птицы не поют так громко, как раньше возле их дома.

— Наверное, сегодня они тоже решили поспать подольше, — предположил Маркус. — После такого дождя я бы на их месте вообще не спешил выбираться из гнезда.

Мальчик слабо улыбнулся. Он некоторое время расспрашивал о погоде, затем неожиданно вспомнил, что отец обещал утром начать поиски нового дома. Маркус подтвердил, что они скоро отправятся в путь, но сначала необходимо позавтракать и собрать вещи. Оливер спросил, куда именно они пойдут, и Маркус честно признался, что точного маршрута у него нет. Он надеялся выйти к старой дороге, а затем найти поселение или хотя бы место, где могут оставаться полезные припасы. Мальчик выслушал объяснение и тихо спросил, обязательно ли в новом доме будет настоящая кровать, потому что ему надоело просыпаться на холодной земле.

Маркус осторожно помог ему приподняться, подложил под спину свёрнутое одеяло и предложил небольшой кусочек рыбы с крекером. Оливер ел медленно, время от времени морщась от боли в повреждённой щеке. Когда отец попытался предложить ему ещё немного, мальчик покачал головой и поинтересовался, почему сам папа до сих пор не завтракает. Маркус привычно ответил, что сначала хочет накормить сына, но Оливер, очевидно не удовлетворившись объяснением, нащупал его ладонь и вложил в неё половинку крекера. Он серьёзно напомнил, что мама постоянно ругалась, когда отец уходил работать голодным, а затем предложил разделить оставшуюся еду поровну. Мужчина не стал спорить. Он откусил небольшой кусочек, и по довольному вздоху ребёнка понял, что тот внимательно прислушивался, действительно ли папа начал есть.

После завтрака они ещё некоторое время разговаривали о будущем. Оливер хотел знать, можно ли будет найти дом с кухней, где отец сумеет приготовить кашу с вареньем. Маркус пообещал попробовать, хотя мальчик сразу напомнил, как однажды папа сжёг лепёшки, пока мама работала в огороде. Тогда Оливия долго смеялась над его кулинарными способностями, а Маркус оправдывался тем, что одновременно пытался починить сломанный генератор. Воспоминание ненадолго оживило их обоих. Оливер даже рассмеялся, заявив, что в новом доме лучше сначала найти хорошую кухарку, а уже потом позволять папе подходить к плите. Маркус подыграл ему, заметив, что подобные требования значительно осложняют поиски жилья.

Собирались они долго. Мужчина помог сыну надеть куртку, затянул шнурки на ботинках и осторожно поправил капюшон, следя, чтобы ткань не задевала повреждённое лицо. Затем уложил оставшиеся вещи в рюкзак, проверил флягу и ещё раз осмотрел пещеру. Здесь они провели несколько самых страшных дней своей жизни, и теперь даже знакомые очертания каменных стен вызывали желание поскорее уйти. Маркус помнил, что произошло возле почти потухшего костра накануне, помнил револьвер в собственных руках и ту мысль, которой едва не позволил управлять своими поступками. Он не собирался оправдывать себя усталостью или отчаянием. Ему предстояло жить с этим воспоминанием и каждый день доказывать сыну,

прежде всего собственными действиями, что теперь отец действительно станет для него защитой.

Перед выходом Маркус достал револьвер из рюкзака. Единственный патрон по-прежнему лежал во внутреннем кармане куртки. Он несколько секунд держал его на ладони, испытывая почти физическое отвращение к мысли снова зарядить оружие, но затем вспомнил о неизвестных дорогах, вооружённых людях и невозможности защитить ребёнка одними словами. Патрон занял своё место в барабане. Мужчина проверил механизм, убрал револьвер так, чтобы Оливер не мог случайно до него дотянуться, и заставил себя больше не смотреть в сторону оружия. Отныне оно должно было оставаться только последним средством защиты.

Когда Маркус вернулся к сыну, мальчик уже пытался самостоятельно подняться с одеяла. Отец помог ему встать, взял за руку и с некоторой торжественностью объявил, что их маленький отряд готов к отправлению. Оливер сразу поинтересовался, можно ли ему быть помощником командира. Маркус согласился, но объяснил, что у помощника будет ответственное задание: сообщать, когда становится больно, когда он устаёт или слышит что-нибудь необычное. Мальчик пообещал выполнить все поручения, после чего они осторожно вышли из пещеры.

Лес встретил их прохладным ветром и запахом мокрой хвои. За деревьями постепенно светлело небо, а с ближайшего склона доносился шум воды. Маркус остановился на несколько секунд, пытаясь определить направление, затем поправил рюкзак и повёл сына по узкой тропинке между камнями. Маркус не знал, насколько долгим окажется путь, но впервые за последние дни шёл не только прочь от пережитого ужаса, но и в поисках помощи.

Первые часы пути прошли относительно спокойно. Маркус старался придерживаться направления, которое запомнил во время бегства, надеясь рано или поздно выйти к старой автомобильной дороге. Местность оказалась сложнее, чем ему помнилось. Ночной дождь размыл землю, превратил небольшие углубления в грязные лужи, а покрытые мхом камни стали скользкими. Иногда мужчина вынужден был обходить целые участки леса, выбирая более пологие склоны, по которым можно было провести ребёнка, не подвергая его лишнему риску.

Оливер упорно пытался идти самостоятельно. Он крепко держался за отцовскую руку, осторожно поднимал ноги и прислушивался к каждому указанию. Маркус заранее предупреждал его о корнях, выбоинах и поваленных ветках, но даже при такой помощи мальчик часто терял равновесие. Прежде самые обыкновенные движения не требовали от него размышлений. Теперь он не знал, насколько высоко нужно поднять ногу, где заканчивается твёрдая земля и что находится в нескольких шагах впереди. Иногда это вызывало раздражение. Оливер сердился на собственную неловкость, пытался ускориться и почти сразу спотыкался, после чего замолкал, чувствуя себя ещё беспомощнее.

Особенно тяжело ему дался небольшой участок дороги, где корни старой сосны выступали из земли подобно неровным ступеням. Маркус помогал сыну обходить препятствия, но мальчик дважды зацепился ботинком и едва не упал. После второй неудачи он резко остановился, выдернул руку и, едва сдерживая слёзы, заявил, что больше не хочет идти. Отец не стал заставлять его продолжать. Он осторожно усадил Оливера на поваленный ствол, присел рядом и предложил несколько минут отдохнуть.

— Я раньше мог бегать, пап, — произнёс мальчик после долгого молчания. — Помнишь, как мы наперегонки бегали? А теперь не могу нормально пройти несколько шагов. Ты всё время говоришь, куда ставить ноги, а я всё равно ошибаюсь. Получается, мне теперь всегда придётся ждать, пока кто-нибудь возьмёт меня за руку?

Маркус долго подбирал ответ. Он прекрасно понимал, что сын злится не на него и даже не на лесную дорогу. За этими словами скрывался страх перед будущим, в котором многие привычные вещи внезапно стали недоступными. Мужчина осторожно положил ладонь мальчику на плечо и рассказал, как когда-то они с Оливией учили его ходить. Маленький Оливер тогда делал несколько шагов, падал на мягкий ковёр и сердито требовал, чтобы мама подошла

ближе, поскольку идти через всю гостиную представлялось ему совершенно несправедливым испытанием.

— Ты ведь тогда тоже не умел ходить, — напомнил Маркус. — Сначала держался за мебель, потом за наши руки, а однажды сумел самостоятельно добраться от дивана до кухни. Мы с мамой так радовались, будто ты совершил кругосветное путешествие. Сейчас многое придётся осваивать по-другому, но это не означает, что ты навсегда останешься беспомощным. Нам просто нужно узнать, как лучше тебе помочь.

Оливер задумался. Он плохо помнил собственное раннее детство, но всегда любил слушать истории о том, как учился говорить, ходить и пользоваться различными предметами. Через некоторое время мальчик спросил, действительно ли ему придётся учиться ходить второй раз. Маркус объяснил, что его ноги по-прежнему умеют делать всё необходимое, просто теперь он не может заранее видеть препятствия и должен научиться узнавать обстановку другими способами. Возможно, когда они найдут безопасное место, получится постепенно освоить знакомые маршруты, ориентируясь по звукам, прикосновениям и расположению предметов.

— Тогда я буду тренироваться, — решил Оливер. — Только ты сначала рассказывай, куда мы идём. А то когда ты долго молчишь, мне кажется, что вокруг вообще ничего нет и мы просто стоим посреди темноты.

Маркус согласился. С этого момента он начал подробнее описывать окружающую местность: деревья, скалы, небольшие поляны и даже цвет мокрых листьев. Иногда мальчик задавал вопросы, которые казались отцу неожиданными. Его интересовало, как выглядит вода на камнях, насколько высоко расположены ветви сосен и какого цвета небо после дождя. Маркус отвечал терпеливо, постепенно понимая, что для Оливера эти описания становятся не развлечением, а способом сохранить связь с миром, который прежде существовал для него в зрительных образах.

К полудню лес немного поредел, и между деревьями показалась старая асфальтовая дорога. Маркус остановился, испытывая осторожное облегчение. Покрытие давно растрескалось, сквозь него пробивались кустарники и молодые деревья, однако дорога всё ещё позволяла двигаться значительно быстрее, чем по лесным тропам. Вдоль обочин стояли брошенные автомобили. Некоторые почти полностью скрылись под растительностью, другие сохранили узнаваемые очертания, хотя ржавчина и разбитые стёкла свидетельствовали о многих годах запустения.

Оливер услышал, как изменился звук шагов, и заинтересовался, куда они вышли. Маркус рассказал о дороге и старых машинах, а мальчик сразу вспомнил отцовские истории о временах, когда люди могли ездить по огромным городам, отправляться в путешествия и останавливаться возле придорожных магазинов. Особенно его поразило количество автомобилей. Маркус насчитал поблизости не меньше десятка и подробно описал большой грузовик, завалившийся на бок возле кювета, и старый автобус с выбитыми окнами.

— А почему никто не забрал эти машины? — спросил Оливер, когда они проходили мимо автобуса. — Ты ведь говорил, что раньше они были очень полезными.

Мужчина объяснил, что после катастрофы многие дороги стали непроходимыми, топливо превратилось в редкость, а сложную технику оказалось почти невозможно ремонтировать без запчастей и оборудования. Люди бросали автомобили, когда те ломались, когда заканчивался бензин или когда приходилось спасаться от опасности. Оливер задумался и осторожно заметил, что они с папой тоже оставили дома почти все свои вещи. Маркус подтвердил, что иногда человеку приходится выбирать между тем, что он любит, и возможностью продолжать жить. Мальчик тихо вздохнул, вспомнив плюшевого медведя Генри, который остался в разрушенном поселении.

К вечеру силы Оливера почти закончились. Он всё чаще просил остановиться, жаловался на головную боль и с трудом удерживался на ногах. Маркусу пришлось снова взять его на

руки. Мужчина двигался медленно, иногда останавливаясь возле деревьев, чтобы дать отдых повреждённому боку и восстановить дыхание. Неизвестная дорога тянулась вперёд, постепенно погружаясь в вечерние тени, и надежда найти безопасное укрытие до наступления темноты становилась всё слабее.

Старая автобусная остановка появилась незадолго до заката. От неё сохранились бетонные стены, часть крыши и невысокая перегородка, за которой почти не ощущался ветер. Стеклянные панели давно разбились, металлические скамейки покрылись ржавчиной, а на стенах виднелись обрывки выцветших объявлений. Для прежнего мира такое место выглядело бы жалким и совершенно непригодным для ночлега. Теперь же оно казалось почти подарком судьбы.

Маркус внимательно осмотрел окрестности, проверил, не оставил ли кто-нибудь свежих следов, и решил провести здесь ночь. Он устроил Оливеру место за бетонной перегородкой, расстелил старое одеяло и помог снять обувь. Мальчик почти сразу свернулся на боку, прижимая к груди красную машинку, которую отец нашёл в кармане его куртки после бегства. Даже теперь, когда игрушка давно потеряла часть краски, а одно колесо держалось плохо, Оливер берёг её как нечто необычайно ценное.

Перед сном Маркус попытался проверить повязку. Воспаление по-прежнему усиливалось, а мальчик даже от осторожных прикосновений начинал морщиться. Мужчина понимал, что без чистых перевязочных материалов и лекарства он почти ничего не способен сделать. Он помог сыну выпить несколько глотков воды, поправил одеяло и сел рядом, прислушиваясь к наступающей темноте.

Оливер долго не мог уснуть. Он спрашивал, какие деревья растут возле остановки, далеко ли отсюда до ближайшего дома и не появятся ли ночью те люди, которые напали на их поселение. Маркус старался отвечать спокойно, но не давал пустых обещаний. Он говорил, что внимательно следит за дорогой и постарается заметить опасность заранее. Мальчик немного успокоился, когда отец взял его за руку и начал рассказывать историю об их прежней поездке к озеру.

В тот день Оливия решила самостоятельно поймать рыбу, хотя прежде почти никогда не держала удочку. Она долго выбирала подходящее место, уверяла мужа, что прекрасно понимает поведение рыбы, а затем с первого же заброса запутала леску в кустах. Маркус вспоминал, как жена с невозмутимым видом пыталась освободить снасти, пока маленький Оливер бегал вокруг и предлагал позвать настоящего рыбака. В конце концов Оливия торжественно заявила, что поймала самую упрямую ветку во всём лесу, и потребовала, чтобы муж помог вытащить добычу.

Оливер помнил этот случай. Он даже сумел повторить несколько маминых слов, которые Маркус уже начал забывать. Некоторое время они тихо смеялись, перебирая подробности того далёкого летнего дня, пока голос мальчика постепенно не стал сонным. В конце концов он попросил отца подержать его за руку и уснул, прижавшись щекой к сложенному одеялу.

Маркус остался сидеть возле открытой стороны остановки. Ночь оказалась холодной, а лес — непривычно тихим. Несколько раз ему казалось, что между деревьями слышатся шаги, и однажды он даже различил короткий хруст ветки совсем рядом с дорогой. Мужчина насторожился, осторожно достал револьвер и долго всматривался в темноту, но никакого движения больше не последовало. Возможно, поблизости бродило небольшое животное. Возможно, ветер сломал сухую ветвь. Он не мог знать наверняка и потому продолжал бодрствовать. Лишь под утро усталость заставила его ненадолго закрыть глаза.

На следующий день дорога привела их к заброшенной заправочной станции. Сначала из-за деревьев показался высокий металлический щит с почти полностью облезшей краской, затем Маркус заметил характерную крышу над топливными колонками и небольшое одноэтажное здание магазина. Часть крыши провалилась внутрь, окна были выбиты, а возле входа

громоздились остатки старых рекламных конструкций. Перед колонками стояли две машины, давно лишившиеся колёс и большей части оборудования. Вокруг росли высокие кусты, постепенно поглощавшие асфальтовую площадку.

Оливер сразу заинтересовался, когда отец рассказал, куда они пришли. Мальчик хорошо помнил истории о придорожных магазинах, где когда-то продавали еду, напитки и огромное количество сладостей. Он попросил объяснить, действительно ли человек мог просто приехать сюда и купить столько шоколадок, сколько пожелает. Маркус ответил, что всё зависело от денег, после чего сын с неподдельным изумлением спросил, можно ли было приобрести сразу десять. Мужчина улыбнулся и признался, что в прежние времена подобные вещи казались настолько обыденными, что люди почти не обращали на них внимания.

— Представляешь, пап, если бы мы сейчас нашли хотя бы одну шоколадку? — мечтательно произнёс Оливер. — Я бы обязательно поделился с тобой. Только сначала нужно было бы попробовать маленький кусочек, потому что я уже почти забыл, какая она на вкус.

Маркус не стал объяснять, насколько маловероятна подобная находка. Он лишь пообещал осмотреть магазин. Оливер тревожно ухватился за его рукав, не желая оставаться один на открытой площадке. Тогда Маркус помог сыну войти в здание и усадил его на сложенное одеяло у входа, в стороне от разбитых стёкол. Они договорились, что отец будет время от времени подавать голос, а Оливер сразу позовёт его, если что-нибудь услышит. Лишь после этого Маркус достал револьвер и осторожно направился к стеллажам.

Внутри пахло старой пылью, сыростью и гнилью. Сквозь повреждённую крышу проникали узкие полосы дневного света, освещая перевёрнутые полки, разбитые витрины и остатки рекламных плакатов. На полу валялись пустые упаковки, осколки стекла и несколько металлических банок, давно вскрытых и выброшенных. Маркус медленно обошёл помещение, проверяя каждый стеллаж, но быстро убедился, что здесь уже не осталось ничего съедобного. Даже бутылки с водой были вскрыты, а старый кассовый аппарат кто-то когда-то разбил, пытаясь извлечь из него деньги, потерявшие всякую ценность.

За торговым залом находилась небольшая подсобка. Маркус обнаружил там несколько сломанных инструментов, старый рабочий комбинезон и пластиковую аптечку. Увидев выцветший красный крест на крышке, он невольно ускорил шаги. Сердце забилось сильнее: даже небольшое количество бинтов или антисептика могло помочь Оливеру. Но надежда продержалась всего несколько секунд. Аптечка оказалась совершенно пустой. Кто-то забрал из неё всё, включая ножницы и старые перевязочные материалы.

Мужчина медленно опустил пластиковую коробку на пол. Ему хотелось ударить кулаком по стене, однако он сдержался, понимая бессмысленность собственной злости. Люди, проходившие здесь прежде, вероятно, нуждались в лекарствах ничуть не меньше его. В этом мире почти каждый полезный предмет давно имел не одного владельца, а целую историю отчаянных попыток выжить.

В дальнем конце подсобки находилась приоткрытая дверь с табличкой «Служебное помещение». Маркус осторожно толкнул её и заглянул внутрь. У стены, прислонившись к старому металлическому шкафу, сидел человеческий скелет в рабочей форме. Голова была опущена на грудь, одна рука покоилась возле раскрытой пачки сигарет. На груди сохранился пластиковый бейдж, и Маркус сумел прочитать имя: Генри Томпсон, сотрудник станции.

Он некоторое время стоял неподвижно, разглядывая останки. За годы после катастрофы подобные картины перестали быть редкостью, однако мужчина так и не научился воспринимать их совершенно равнодушно. Возможно, Генри пришёл сюда в один из последних рабочих дней, когда мир уже начал рушиться, но ещё сохранялась надежда, что всё вскоре вернётся в норму. Возможно, спрятался от опасности и так и не сумел выйти. В комнате оставались старые квитанции, пластиковый стакан и настенный календарь, на котором кто-то давно обвёл крас-

ным кружком определённую дату. Маркус не знал, что она означала. Может быть, выходной, день рождения близкого человека или обычную встречу, на которую Генри так и не попал.

Осторожно присев возле останков, он заметил металлический ключ с облезшей биркой. Некоторое время повертел его в пальцах, но так и не нашёл подходящего замка. Старый комбинезон выглядел достаточно крепким, чтобы заменить собственную изношенную одежду, однако мысль раздеть покойника вызвала внутреннее сопротивление. Маркус прекрасно понимал, что мёртвому человеку одежда больше не нужна, но всё-таки решил оставить её на месте.

— Извини, приятель, — негромко произнёс он, возвращая ключ на пол. — Ничем помочь тебе уже не смогу. И у тебя, похоже, тоже ничего для нас не осталось.

Он поднялся, в последний раз посмотрел на комнату и осторожно прикрыл дверь. Перед уходом Маркус неожиданно вспомнил, что плюшевого медведя Оливера тоже звали Генри. Совпадение было совершенно случайным, но почему-то заставило его ненадолго остановиться. В прежней жизни мальчик мог целый вечер разговаривать со своей игрушкой, придумывая для неё удивительные путешествия. Теперь же мужчина стоял среди разрушенного магазина, где человек с тем же именем провёл последние минуты своей жизни.

Когда Маркус вернулся к входу, Оливер сразу узнал его шаги и с надеждой спросил, удалось ли найти шоколадку. Мужчина осторожно присел рядом, признался, что магазин давно разграблен, и помог мальчику подняться. Тот разочарованно вздохнул, но почти сразу заинтересовался, почему на заправке больше никто не работает. Маркус рассказал, что люди давно покинули это место и теперь от прежнего магазина остались только стены. Он не стал подробно описывать находку в служебной комнате, но когда Оливер спросил, действительно ли здесь совсем никто не живёт, отец ответил, что один человек когда-то остался и умер много лет назад.

Мальчик некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

— Наверное, ему было очень одиноко, — наконец произнёс он. — Хорошо, что мы с тобой вместе, пап. Я бы не хотел остаться где-нибудь один и не знать, придёт ли за мной кто-нибудь.

Маркус осторожно обнял сына. Он не стал говорить, что никогда не оставит его, поскольку уже слишком хорошо понимал, насколько хрупкими могут оказаться любые обещания. Вместо этого мужчина помог Оливеру подняться, поправил капюшон и сказал, что сейчас они продолжат путь вместе, а когда устанут, обязательно найдут новое место для отдыха.

Оставаться возле заправки больше не имело смысла. Впереди по-прежнему тянулась старая дорога, и время до вечера ещё оставалось.

После полудня дорога начала сужаться, а лес подступил к самому асфальту. Молодые деревья пробивались сквозь трещины, кустарники разрастались на обочинах, и местами приходилось пробираться между ветвями, давно скрывшими прежние границы проезжей части. Маркус старался двигаться осторожно, внимательно осматривая землю. Примерно через час после ухода с заправки он заметил несколько отпечатков тяжёлых ботинок, сохранившихся на влажной почве возле обочины. Следы выглядели достаточно свежими: края отпечатков оставались отчётливыми, а рядом лежали недавно сломанные ветки. Кто-то проходил здесь сравнительно недавно и, судя по направлению отпечатков, свернул с дороги в сторону леса.

Мужчина остановился и некоторое время изучал землю, пытаясь определить, сколько человек могло здесь находиться. Разобраться оказалось непросто. Отпечатки частично накладывались друг на друга, а некоторые исчезали среди камней и корней. Он заметил несколько особенно глубоких отпечатков, будто кто-то нёс тяжёлый груз, однако не мог понять, сколько здесь прошло людей. После пережитого в плену любое свидетельство чужого присутствия вызывало тревогу. Маркус слишком хорошо знал, что вооружённые люди могут появиться там, где ещё несколько минут назад царила полная тишина.

Оливер, почувствовав, что отец остановился, спросил, не закончилась ли дорога. Маркус объяснил, что обнаружил следы и хочет немного прислушаться, прежде чем продолжать путь.

Мальчик сразу замолчал, осторожно повернул голову и несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь к лесу. Ветер шумел среди верхушек деревьев, где-то скрипела старая ветка, но ничего похожего на человеческие голоса не доносилось.

— Пап, а почему здесь птицы почти не поют? — неожиданно спросил Оливер. — Возле нашего дома они всегда кричали с самого утра. Помнишь, одна маленькая птица садилась прямо на забор, а мама говорила, что она опять пришла проверить, не осталось ли у нас хлебных крошек?

Маркус поднял голову. Мальчик действительно был прав: лес оставался удивительно тихим. За последние годы мужчина не раз замечал подобные места, где животные почти исчезли после катастрофы. Некоторые участки природы постепенно восстанавливались, но другие по-прежнему выглядели безжизненными. На старых дорогах иногда попадались высохшие останки птиц, а в заброшенных населённых пунктах можно было пройти несколько километров, не встретив ни одного животного. Маркус не знал, что именно произошло с этим лесом, и потому честно ответил, что не может объяснить отсутствие птичьих голосов.

Оливер немного подумал и предположил, что птицы, возможно, просто улетели в другое место. Затем добавил, что это даже хорошо, поскольку где-то ещё наверняка существует лес, в котором они продолжают петь. Маркус удивился тому, насколько легко сын сумел увидеть надежду в обстоятельстве, которое самому мужчине казалось очередным признаком разрушенного мира.

— Когда-нибудь мы найдём такой лес, — сказал он, присаживаясь возле мальчика. — А если устроимся в доме, где есть деревья, я обязательно сделаю тебе кормушку. Будем насыпать туда зёрна и ждать, пока птицы привыкнут прилетать к нам по утрам.

Оливер сразу оживился. Он спросил, можно ли будет давать птицам имена, узнают ли они его голос и смогут ли садиться на подоконник. Маркус терпеливо отвечал, постепенно увлекаясь разговором. Они даже договорились, что первой птице, которая начнёт регулярно посещать кормушку, позволят выбрать себе имя Генри — в память о плюшевом медведе, оставшемся в прежнем доме. Оливер долго обдумывал эту идею и наконец решил, что название подойдёт, только если птица окажется достаточно важной и серьёзной.

После небольшого отдыха они продолжили путь. Маркус вновь поднял сына на руки, поскольку тот начал заметно уставать, и некоторое время шёл молча, вспоминая их разговор. Ему было трудно представить новый дом, когда впереди не существовало даже определённого пункта назначения. Но мысль о кормушке, деревьях и птицах почему-то сделала будущее немного менее пугающим. Мужчина понимал, что подобные мечты не смогут вылечить Оливера или вернуть погибшую жену. И всё же они напоминали, что жизнь состоит не только из борьбы за выживание. Если однажды у них появится безопасное место, придётся учиться заново радоваться самым обыкновенным вещам.

Ближе к вечеру лес неожиданно расступился.

Сначала Маркус заметил просвет между деревьями и решил, что впереди находится небольшая поляна. Затем над кустарником показалась покатая крыша, а чуть ниже проступили очертания окон. Мужчина остановился, не сразу поверив увиденному. На противоположной стороне заросшего травой участка стоял двухэтажный деревянный дом, окружённый высокими соснами и невысоким кустарником. К входу вела узкая дорожка, возле стены находился небольшой сарай, а под навесом лежала аккуратно сложенная поленница.

После нескольких дней среди разрушенных строений этот дом казался почти невероятным. Окна оставались целыми, крыша выглядела крепкой, а крыльцо не имело заметных повреждений. Деревянные стены потемнели от времени, однако не были изуродованы пожаром или следами разграбления. В одном из окон виднелась занавеска, а на подоконнике стоял глиняный цветочный горшок. Маркус осторожно приблизился к краю поляны и некоторое время наблюдал за строением, пытаясь заметить хотя бы малейшее движение.

Особенно его насторожили дрова. Поленья были сложены ровными рядами и прикрыты старым брезентом, а возле сарая лежало несколько свежих щепок. Подобный порядок невозможно было объяснить случайностью. Кто-то заготавливал здесь топливо, ухаживал за домом и, судя по состоянию участка, намеревался пользоваться им и дальше. Маркус прекрасно понимал, что перед ним не обычное заброшенное жилище, в котором можно без опасений укрыться на ночь. Возможно, хозяин находился неподалёку. Возможно, наблюдал за ними прямо сейчас.

Оливер почувствовал, что отец остановился, и осторожно потянул его за воротник.

— Пап, мы куда-то пришли? — спросил мальчик, и в его голосе сразу прозвучала надежда. Маркус рассказал о доме, стараясь описывать подробности достаточно ясно: двухэтажное деревянное строение, крыльцо, целые окна, сарай и высокие деревья вокруг. Оливер оживился ещё сильнее и почти сразу спросил, есть ли там настоящая кровать. Услышав, что внутри наверняка найдётся хотя бы диван, он облегчённо вздохнул и признался, как сильно устал спать на камнях и холодной земле. — А там есть кухня? — уточнил он после небольшой паузы. — И можно будет согреться? Я бы очень хотел, чтобы мы сегодня никуда больше не шли.

Маркус осторожно поправил сына на руках. Ему самому хотелось немедленно войти в дом, закрыть за собой дверь и позволить Оливеру отдохнуть в сухой комнате. Однако после пережитого он не мог заставить себя довериться даже такому мирному виду.

Прежде чем выйти на открытое пространство, мужчина внимательно осмотрел землю возле тропинки. Там обнаружились отпечатки тяжёлых ботинок, некоторые ещё хорошо сохраняли рельеф подошвы. Судя по состоянию почвы, человек проходил здесь относительно недавно. Маркус перевёл взгляд на сарай, затем на окна и снова на дорожку, ведущую к крыльцу. Никаких признаков движения он не замечал, но ощущение чужого присутствия постепенно усиливалось.

В этот момент возле сарая раздался короткий сухой хруст. Звук напоминал треск тонкой ветки, на которую кто-то неосторожно наступил. Маркус резко повернул голову, всматриваясь в тёмное пространство между постройкой и ближайшими деревьями. Ничего необычного там не было видно. Высокая трава почти не двигалась, а густые ветви образовывали настолько плотную тень, что различить отдельные предметы становилось трудно.

Оливер неожиданно крепче сжал его руку. Мальчик несколько секунд прислушивался, затем тихо сказал, что возле сарая кто-то находится. Маркус попросил объяснить, почему он так решил, и сын ответил, что услышал не только хруст ветки, но и короткий шорох возле деревянной стены, словно кто-то задел её одеждой. Мужчина напрягся ещё сильнее. Сам он ничего подобного не различал, однако понимал, что теперь сын невольно прислушивается к звукам, которые раньше мог бы и не заметить.

— Возможно, там кто-то есть, малыш, — осторожно признал Маркус. — И если это хозяин дома, нам придётся сначала поговорить с ним. Мы ведь не можем просто войти и решить, что теперь всё принадлежит нам.

Оливер некоторое время обдумывал сказанное, затем спросил, что будет, если хозяин окажется плохим человеком. Маркус не стал успокаивать сына пустыми обещаниями. Он объяснил, что постарается заранее понять намерения незнакомца и не позволит никому без необходимости приближаться к мальчику. Но если в доме действительно находятся обычные люди, возможно, они согласятся хотя бы дать воду и подсказать дорогу к ближайшему врачу.

Отец осторожно опустил Оливера на землю, помог ему найти устойчивое положение и взял за руку. Они медленно пересекли поляну, стараясь двигаться достаточно открыто, чтобы их появление не выглядело попыткой незаметно проникнуть на участок. Маркус несколько раз громко позвал хозяев, но ответа не последовало. Дом оставался неподвижным, и лишь ветер время от времени шевелил занавеску за одним из окон.

На крыльце стояло старое металлическое ведро, возле входа висел железный крючок, а рядом с дверью лежала небольшая метла. Все эти обыкновенные предметы ещё сильнее убеж-

дали Маркуса, что дом не пустует. Он осторожно поднялся по ступеням, придерживая сына за руку, и трижды постучал. Удары глухо отозвались внутри, затем всё снова затихло. Мужчина подождал немного, постучал ещё раз и громко объяснил, что пришёл с больным ребёнком, которому необходима помощь.

Никто не откликнулся.

Маркус уже собирался осмотреть окна, когда заметил, что входная дверь не заперта. Он осторожно нажал на ручку, и створка немного подалась внутрь, открывая небольшую прихожую, погружённую в полумрак. Из дома не доносилось ни голосов, ни шагов. Лишь слабый запах сухого дерева и давно остывшего очага напоминал, что за порогом находится жилое помещение.

Мужчина несколько секунд колебался. В обычной жизни он никогда бы не вошёл в чужой дом без разрешения. Но рядом стоял ребёнок с высокой температурой, приближалась холодная ночь, а где искать помощь, Маркус не знал. Маркус осторожно приоткрыл дверь шире и ещё раз позвал хозяев, объясняя, что не собирается ничего красть и просит лишь временного укрытия.

Ответа не последовало.

Тогда он переступил порог.

В прихожей стояла узкая деревянная скамья, возле которой аккуратно разместили несколько пар обуви. На стене висела плотная куртка, а рядом с ней — старое пальто. Пол был сравнительно чистым, хотя отдельные доски потемнели от времени. Маркус осторожно провёл сына в гостиную и остановился, поражённый тем, насколько сильно помещение отличалось от всего, что им довелось увидеть за последние дни.

Возле одной из стен стоял большой диван с клетчатым покрывалом, напротив находилось старое кресло с потёртыми подлокотниками. На полу лежал ковёр, местами истёршийся до основания, а возле окна располагался небольшой деревянный стол. Вдоль дальней стены тянулись книжные полки, заставленные томами разного размера. В углу находилась печь, рядом с которой аккуратно сложили сухие поленья. Комната не выглядела роскошной и даже по меркам прежнего мира могла бы показаться скромной, но каждая вещь находилась на своём месте, словно кто-то настойчиво сохранял здесь порядок, не желая признавать, что привычная цивилизация давно разрушилась.

Оливер, почувствовав, что отец снова остановился, попросил рассказать, как выглядит дом изнутри. Маркус медленно описал гостиную, стараясь не пропустить ничего, что могло заинтересовать мальчика: диван, книжные полки, печь, деревянные стены и небольшие окна, через которые проникал вечерний свет. Когда он упомянул мягкие подушки, Оливер сразу попросил позволить ему хотя бы немного посидеть.

Маркус осторожно устроил сына на диване. Мальчик провёл ладонями по покрывалу, нащупал край подушки и медленно прислонился к ней щекой. Некоторое время он сидел неподвижно, словно пытался убедиться, что действительно находится в сухом доме, а не снова лежит на холодной земле.

— Почти как у нас дома, — тихо произнёс Оливер, и Маркус сразу понял, что сын вспомнил прежнюю гостиную. Там тоже стоял диван, на котором мальчик любил сооружать крепости из подушек, превращая обычную мебель в корабли, дома и военные укрепления. Оливия постоянно жаловалась, что после подобных игр невозможно найти свободное место, но почти всегда сама помогала сыну строить очередную крепость. Маркус осторожно сел рядом и на несколько секунд позволил себе вспомнить те вечера, когда самым серьёзным семейным спором становился вопрос, кто именно должен возвращать подушки на место.

Оливер попросил разрешения полежать здесь, пока отец осматривает комнаты. Маркус согласился, укрыл его покрывалом и пообещал не уходить настолько далеко, чтобы перестать слышать его голос. Мальчик немного успокоился, но всё-таки попросил оставить двери открытыми и обязательно отвечать, если он позовёт.

Мужчина направился на кухню.

То, что он обнаружил там, заставило его остановиться прямо возле порога. На деревянных полках стояли банки с крупой, несколько консервов, небольшие мешочки с сушёными овощами и плотно закрытые бутылки питьевой воды. Возле раковины лежало мыло, на стене висело чистое полотенце, а в нижнем отделении шкафа находился металлический ящик с выцветшим красным крестом.

Маркус почти сразу подошёл к аптечке. Открыв крышку, он обнаружил чистые бинты, стерильные салфетки, ножницы и несколько запечатанных флаконов физиологического раствора. В небольшом отделении лежали упаковки лекарств, часть которых давно утратила пригодность из-за истёкших сроков хранения. Полноценного медицинского набора здесь не было, однако после опустошённой заправки даже простые перевязочные материалы выглядели настоящим сокровищем.

Он осторожно перебрал содержимое ящика, пытаясь понять, что можно использовать без риска навредить сыну. Чистые салфетки и физиологический раствор позволяли хотя бы привести в порядок кожу вокруг повреждений и заменить старую повязку. Маркус понимал, что это не лечение, а лишь временная мера, но всё равно впервые за несколько дней почувствовал, что может сделать для Оливера нечто большее, чем просто держать его за руку во время приступов боли.

Лишь спустя несколько минут он вспомнил, что все найденные вещи принадлежат неизвестному хозяину. Мужчина остановился, глядя на открытую аптечку, затем осторожно положил обратно всё, без чего пока мог обойтись. После пережитого он не хотел привыкать считать чужое имущество ничейным. Но оставить тяжело раненного ребёнка без чистой повязки только потому, что хозяин не отвечает, было невозможно.

— Простите, — негромко произнёс Маркус в пустую кухню. — Я обязательно объясню, почему взял ваши вещи. Только бы мальчику стало немного легче.

Он наполнил металлическую миску водой, взял полотенце и необходимые перевязочные материалы, после чего вернулся в гостиную. Оливер узнал его шаги ещё до появления в дверях и сразу спросил, удалось ли найти что-нибудь полезное. Мужчина рассказал об аптечке и чистой воде, объяснив, что теперь сможет хотя бы осторожно заменить повязку. Мальчик заметно напрягся, вспомнив предыдущие перевязки, но согласился, когда отец пообещал действовать медленно и останавливаться каждый раз, когда станет слишком больно.

Подготовка заняла некоторое время. Маркус тщательно вымыл руки, разложил чистые материалы и помог сыну устроиться так, чтобы ему было удобно лежать. Затем начал осторожно освобождать наружные слои старой повязки, постепенно смачивая приставшую к коже ткань стерильным раствором. Он не пытался торопиться: слишком хорошо помнил, насколько болезненными оказались прежние попытки обработать раны без необходимых средств. Оливер держался за рукав отцовской куртки, иногда тихо плакал и просил немного подождать, но теперь хотя бы не приходилось отрывать пересохшие бинты от повреждённой кожи.

Маркус разговаривал с сыном почти непрерывно, рассказывая, что именно делает и почему необходимо потерпеть ещё немного. Он не скрывал, что процедура неприятная, однако старался дать мальчику возможность самому решать, когда остановиться. В какой-то момент Оливер неожиданно спросил, не сердится ли отец из-за его слёз, и мужчина почувствовал болезненный укол вины. За последние дни ребёнок слишком часто пытался вести себя так, будто обязан быть сильнее собственного возраста.

— Я никогда не стану сердиться на тебя за то, что тебе больно, — ответил Маркус, осторожно поправляя влажную салфетку возле виска. — Ты пережил больше, чем должен был пережить любой ребёнок. И если тебе хочется плакать, плачь. Не нужно притворяться храбрым только ради меня.

Оливер некоторое время молчал, затем признался, что иногда старается не жаловаться, потому что папа и без того постоянно волнуется. Маркус остановился, опустился рядом с диваном и осторожно взял его маленькую ладонь обеими руками. Он объяснил, что тревога за сына — естественная часть родительской любви, а не вина самого Оливера. Мальчик не должен лишать себя возможности попросить помощи только потому, что боится огорчить отца.

После небольшой паузы Маркус продолжил перевязку. Когда ему удалось осторожно освободить повреждённое лицо от старой ткани, мужчина на несколько секунд замер. Раны выглядели значительно хуже, чем он надеялся. Кожа вокруг глаз оставалась воспалённой, на висках виднелись болезненные припухлости, а сами повреждения были настолько серьёзными, что Маркус почти сразу понял: без специалиста он не сможет даже приблизительно определить последствия. Один глаз выглядел мутным и тяжело травмированным, другой пострадал ещё сильнее. Мужчина не стал пытаться исследовать их самостоятельно, опасаясь причинить дополнительный вред.

Оливер почувствовал, что отец перестал двигаться.

— Ты уже снял бинты? — осторожно спросил он.

Маркус подтвердил, объяснив, что пока не будет трогать сами глаза. Мальчик некоторое время лежал неподвижно, затем тихо поинтересовался, светло ли сейчас в комнате. Отец посмотрел на окно, через которое проникал угасающий вечерний свет, и рассказал, что на полу лежат длинные полосы света, а деревянные стены стали почти золотистыми.

Оливер попросил помочь ему сесть ближе к окну.

Маркус осторожно поддержал сына, позволяя ему повернуть лицо в сторону освещённой части комнаты. Мальчик несколько секунд сидел неподвижно, словно надеялся почувствовать хоть какой-нибудь свет, затем тихо произнёс, что ничего не изменилось. Он по-прежнему не видел ни окна, ни отца, ни собственного движения рук. Даже без повязки окружающий мир оставался для него совершенно тёмным.

— Я думал, хотя бы немного станет светлее, — прошептал Оливер, с трудом сдерживая слёзы. — Ты говоришь, что солнце почти зашло, а я всё равно не могу понять, где оно. Раньше мне достаточно было открыть глаза, а теперь я даже не знаю, куда смотреть.

Маркус осторожно обнял сына, позволяя ему прижаться к своей груди. Ему хотелось пообещать, что всё обязательно исправится, что найдётся врач и зрение вернётся, однако после пережитого он уже не мог заставить себя произносить слова, в которых не был уверен. Мальчик постепенно начал плакать, рассказывая, как сильно скучает по возможности видеть обыкновенные вещи: лицо отца, деревья за окном, свои игрушки и рисунки в старых книгах. Особенно его пугала мысль, что со временем он перестанет помнить, как выглядела мама.

Маркус долго держал его на руках. Он не пытался прекратить плач, не просил быть сильным и не отвлекал разговорами о будущем, пока мальчик сам не начал успокаиваться. Затем осторожно объяснил, что они обязательно найдут человека, способного профессионально оценить повреждения, хотя он пока не знает, можно ли восстановить зрение. В любом случае Оливер не останется один. Они вместе будут учиться справляться с новым миром, а отец постарается помочь ему сохранить воспоминания обо всём, что было дорого раньше.

Мальчик попросил рассказать, как выглядела мама, когда смеялась. Маркус вспомнил Оливию возле озера: каштановые волосы, выбившиеся из причёски, маленькую родинку возле губ и привычку прикрывать рот ладонью, когда смех становился слишком сильным. Они долго говорили о старом семейном пикнике, о лягушке, которую Оливер пытался поймать, и о фотографии, сделанной в тот день. Постепенно мальчик перестал плакать. Он слушал отцовский голос, осторожно перебирая пальцами край одеяла, и время от времени добавлял собственные воспоминания.

Закончив обработку кожи вокруг ран, Маркус наложил свободную чистую защитную повязку, стараясь не оказывать давления на повреждённые глаза. Сделать больше он не мог.

Жар не спадал, а инфекция по-прежнему вызывала серьёзные опасения. Но теперь у сына была чистая постель, немного воды и возможность хотя бы на одну ночь отдохнуть в сухом помещении.

Когда Оливер немного успокоился, Маркус предложил ему поспать. Мальчик попросил сначала рассказать, какая сейчас погода, а затем неожиданно спросил, останется ли отец рядом, если хозяин дома вернётся ночью. Мужчина пообещал, что не уйдёт без предупреждения и обязательно объяснит незнакомцу обстоятельства их появления. Только после этого Оливер позволил поправить подушку и постепенно заснул, продолжая держать отца за руку.

Маркус ещё долго сидел возле дивана, наблюдая за дыханием сына. Он боялся радоваться слишком рано. Найденные бинты не остановят серьёзную инфекцию, тёплая комната не вернёт мальчику зрение, а наличие продуктов на кухне вовсе не означает, что им разрешат остаться здесь надолго. Но после нескольких дней голода, холода и почти полного отчаяния даже эта короткая передышка казалась подарком, ценность которого невозможно измерить.

Оливер проснулся от запаха горячей каши. Маркус как раз снимал с печи небольшую металлическую кастрюлю, когда из гостиной донёсся слабый голос сына, поинтересовавшегося, не вернулась ли мама. Вопрос застал мужчину врасплох. Несколько секунд он стоял неподвижно, держа кастрюлю за ручку и чувствуя, как знакомая боль разрастается где-то под рёбрами. За последние дни мальчик уже несколько раз просыпался с ощущением, будто всё произошедшее ему только приснилось. Иногда он забывал, где находится, иногда начинал звать Оливию, а потом постепенно вспоминал случившееся. Маркус знал, что сейчас сыну потребуется немного времени, чтобы снова осознать реальность, и потому не стал торопиться с ответом. Он осторожно поставил кастрюлю на стол, подошёл к дивану и присел рядом.

— Это я, малыш. Готовлю нам ужин. Помнишь, мы сегодня нашли дом? — тихо произнёс он, осторожно касаясь сыновнего плеча.

Оливер некоторое время молчал, затем медленно кивнул. По его лицу было заметно, как постепенно возвращаются воспоминания. Он осторожно протянул руку, нашёл отцовские пальцы и попросил рассказать, что именно папа приготовил. Услышав про кашу, мальчик сразу оживился, хотя и выразил сомнение, что она получится такой же вкусной, как у мамы. Маркус не стал спорить. Он признал, что в кулинарном мастерстве Оливия всегда значительно превосходила его, но теперь придётся довольствоваться тем, что имеется.

Пища оказалась простой: немного крупы, несколько сушёных овощей и соль, которую мужчина обнаружил в небольшом деревянном шкафу. Однако после нескольких дней почти полного голода даже такой ужин показался удивительно вкусным. Маркус подвинул небольшой стол к дивану, помог сыну сесть и, дождавшись, когда каша немного остынет, поставил перед ним неглубокую миску. Затем предложил попробовать поесть самостоятельно. Оливер сначала согласился с энтузиазмом, но почти сразу столкнулся с новой трудностью. Ложка несколько раз прошла мимо края тарелки, а небольшая порция каши упала на покрывало.

Мальчик замер, затем сердито отложил ложку.

— Раньше у меня получалось, — тихо произнёс он. — Даже когда мама говорила, что я ем слишком быстро. А теперь я ничего не могу найти, пока ты не покажешь.

Маркус хотел было взять ложку и покормить его, но вовремя остановился. Во время путешествия он уже заметил, насколько болезненно сын воспринимает собственную беспомощность. Если постоянно делать всё за него, положение едва ли станет легче. Мужчина осторожно придвинул тарелку ближе и предложил сначала определить её положение на столе. Он объяснил, где находится край миски, как расположена ложка и почему лучше не торопиться. Оливер внимательно выслушал указания, осторожно провёл пальцами по столешнице и нащупал нужные предметы. Со второй попытки ему удалось самостоятельно набрать немного каши и поднести ложку ко рту.

Его лицо заметно оживилось.

— Получилось, пап! Я сам!

Маркус улыбнулся, наблюдая, как мальчик осторожно повторяет движение. Конечно, не всё удавалось с первого раза. Иногда ложка задевала край миски, иногда Оливер слишком сильно наклонял её, но постепенно движения становились увереннее. Когда ужин закончился, мальчик с гордостью заявил, что теперь обязательно научится делать всё самостоятельно, чтобы папе не приходилось постоянно помогать. Маркус объяснил, что просить о помощи совершенно нормально и даже взрослые не всегда справляются со всеми делами без поддержки других людей. Однако желание сына учиться он встретил с искренней радостью.

После еды Оливер попросил ещё раз описать комнату. Маркус устроился рядом и подробно рассказал о диване, старом кресле, книжных полках и небольшой печи, возле которой лежали аккуратно сложенные дрова. Затем помог мальчику осторожно пройти несколько шагов вдоль стены, чтобы тот мог на ощупь познакомиться с ближайшими предметами. Оливер провёл ладонями по деревянной поверхности стола, нащупал спинку кресла и несколько раз самостоятельно вернулся к дивану, запоминая расстояние. Конечно, подобные упражнения быстро утомляли его, поэтому Маркус вскоре предложил отдохнуть. Но мальчик явно остался доволен: впервые после потери зрения ему удалось самостоятельно ориентироваться хотя бы на небольшом знакомом участке пространства.

Когда сын снова устроился на диване, мужчина вернулся на кухню, чтобы убрать посуду и проверить оставшиеся продукты. Теперь, когда первая радость от находки немного утихла, он всё отчётливее замечал признаки того, что дом не заброшен. Возле раковины лежало чистое полотенце, на полках почти не было пыли, а в углу стояло ведро с овощными очистками, которые ещё не успели полностью высохнуть. Под деревянной скамьёй находилась пара тяжёлых ботинок с влажной землёй на подошвах. Маркус осторожно присел и внимательно осмотрел обувь. Размер был достаточно большим, а рисунок протектора напоминал отпечатки, обнаруженные возле крыльца.

Он медленно выпрямился.

Кто-то действительно жил здесь.

И этот человек, судя по всему, совсем недавно возвращался домой.

Мысль вызвала неприятное чувство неловкости. Маркус вспомнил, как без разрешения воспользовался водой, бинтами и продуктами, развёл огонь в печи и уложил сына на чужой диван. Конечно, он сделал это не из желания присвоить чужое имущество. Но для хозяина, который однажды вернётся и обнаружит в доме незнакомого вооружённого мужчину, обстоятельства могут выглядеть совершенно иначе.

В прежней жизни Маркус вряд ли позволил бы кому-нибудь бесцеремонно распоряжаться собственными вещами. Особенно если бы речь шла о незнакомце, появившемся без предупреждения. Теперь ему приходилось надеяться, что человек, сумевший сохранить среди разрушенного мира столь удивительно мирное жилище, окажется достаточно великодушным, чтобы хотя бы выслушать объяснения.

Он решил оставить записку, но прежде хотел осмотреть остальные комнаты: ему было важно понять, не скрывается ли там кто-нибудь.

Осторожно поднявшись по деревянной лестнице на второй этаж, мужчина обнаружил несколько комнат. Первая оказалась спальней с большой кроватью, аккуратно застеленной старым покрывалом. Возле окна стоял небольшой стол, на котором лежала начатая книга с самодельной закладкой. На спинке стула висела плотная куртка, а в шкафу находились сложенные стопками вещи. Всё выглядело так, словно хозяин вышел ненадолго и собирался вскоре вернуться.

Во второй комнате Маркус обнаружил узкую кровать, письменный стол и небольшую деревянную фигурку птицы, стоявшую на подоконнике. Она была вырезана из светлого дерева; сразу было видно, что мастер работал вручную. Одно крыло получилось чуть больше другого, а

на спине оставались следы ножа. Мужчина осторожно взял фигурку в руки, вспомнив, как сам когда-то мастерил деревянные игрушки для Оливера. Некоторые из них получались настолько неуклюжими, что Оливия не могла удержаться от смеха, но мальчик всегда относился к подаркам отца с особой серьёзностью. Маркус некоторое время разглядывал птицу, затем аккуратно поставил обратно, стараясь сохранить её прежнее положение.

Третья комната удивила его ещё сильнее. Возле окна стояла старая швейная машинка, рядом с которой лежала недошитая рубашка. На стенах висели пучки сухих трав, аккуратно перевязанные бечёвкой. В небольшом деревянном шкафу находились нитки, иголки и несколько кусков ткани. Маркус осторожно провёл пальцами по недошитой рубашке. Швы были аккуратными, хотя работа явно осталась незавершённой. В комнате не было признаков поспешного бегства или борьбы. Скорее создавалось впечатление, что человек просто отложил работу, рассчитывая продолжить её позже.

Именно это беспокоило мужчину сильнее всего.

Дом не выглядел покинутым.

Он выглядел ожидающим.

Спускаясь на первый этаж, Маркус заметил дверь в дальнем конце коридора. Она немного отличалась от остальных: дерево было темнее, замок выглядел относительно новым, а возле порога лежали мелкие светлые щепки. Мужчина осторожно потянул ручку, но дверь оказалась заперта. Он присел, внимательно осмотрел замочную скважину и обнаружил на дереве небольшие следы недавнего ремонта.

Некоторое время Маркус стоял неподвижно, раздумывая, стоит ли попытаться открыть комнату. Неизвестность вызывала тревогу. Он не знал, находится ли внутри оружие, припасы или что-то ещё, способное объяснить отсутствие хозяина. Но затем вспомнил собственное положение. Он и без того без разрешения вошёл в чужой дом, воспользовался запасами и собирался провести здесь ночь. Ломать запертую дверь было бы уже совершенно другим поступком, на который Маркус не хотел идти без крайней необходимости.

Он осторожно отступил и вернулся на кухню.

Найдя лист чистой бумаги и карандаш, мужчина некоторое время сидел за столом, пытаясь подобрать подходящие слова. Ему хотелось объяснить всё как можно подробнее, но он понимал, что слишком длинная история может показаться незнакомому человеку попыткой вызвать жалость. Наконец Маркус решил ограничиться самым главным: представился, рассказал о тяжёлом состоянии семилетнего сына, попросил прощения за вторжение и пообещал возместить все использованные припасы, если появится такая возможность.

Он несколько раз перечитал написанное, прежде чем положить лист на кухонный стол и прижать его тяжёлой керамической кружкой. На мгновение мужчина задумался, стоит ли добавить, что его жена погибла и они с ребёнком уже несколько дней скрываются после нападения на поселение. Но затем решил, что подробности можно будет рассказать лично, если хозяин вообще согласится с ним разговаривать.

Маркус вернулся в гостиную.

Оливер лежал на диване, осторожно перебирая пальцами красную машинку. Он попросил отца немного посидеть рядом, а затем поинтересовался, удалось ли найти хозяина. Маркус объяснил, что пока никого не встретил, но оставил записку с просьбой о помощи. Мальчик немного подумал и спросил, будет ли незнакомец сердиться, когда узнает, что они вошли без разрешения.

— Не знаю, малыш. Возможно, ему это не понравится, и я смогу его понять, — ответил мужчина. — Но я обязательно объясню, почему мы так поступили. Ты ведь действительно нуждаешься в помощи, а оставаться на улице нам было опасно.

Оливер осторожно коснулся отцовской руки.

— А если он хороший, он ведь не станет нас выгонять прямо ночью?

Маркус хотел ответить утвердительно, но остановился. Он не знал ни характера хозяина, ни обстоятельств, в которых тот живёт. Возможно, человек опасается незнакомцев не меньше его самого. Возможно, в доме находятся вещи, которые он вынужден защищать от грабителей. Мужчина объяснил сыну, что нельзя заранее знать, как поступит другой человек, даже если он в целом добрый. Но они постараются поговорить спокойно и найти решение, которое устроит всех.

Оливер некоторое время молчал, затем попросил отца рассказать ещё одну историю о маме.

Маркус устроился рядом и начал вспоминать их последний совместный праздник, когда в поселении удалось достать немного муки, сахара и сушёных фруктов. Оливия решила испечь пирог, но из-за старой печи тесто никак не хотело подниматься. Маркус несколько раз предлагал просто приготовить лепёшки, чем ужасно раздражал жену, а маленький Оливер пытался незаметно пробовать начинку. В конце концов пирог всё-таки получился, хотя и был немного неровным, зато сын потом несколько недель рассказывал соседям, что мама умеет готовить настоящие праздничные блюда.

Во время рассказа Оливер несколько раз улыбнулся. Он хорошо помнил тот вечер и даже поправил отца, когда тот перепутал, кто именно уронил на пол банку с сушёными ягодами. Маркус удивился, насколько точно сын сохранил в памяти такие мелочи. Сам он за последние дни всё чаще замечал, что некоторые счастливые воспоминания начинают смешиваться с картинами плена, и потому особенно дорожил подробностями, которые мог подсказать Оливер.

Когда мальчик устал, отец помог ему устроиться поудобнее, поправил подушку и накрыл одеялом. Оливер попросил не отходить далеко, пока он не заснёт. Маркус остался рядом, осторожно придерживая его маленькую ладонь и слушая, как постепенно выравнивается дыхание ребёнка. Лишь убедившись, что сын крепко спит, мужчина поднялся и подбросил несколько поленьев в печь.

Ночь опустилась на лес почти незаметно. Сначала за окнами потемнели деревья, затем их очертания постепенно слились с густыми тенями, оставив лишь слабые отражения огня на стекле. Ветер усилился, заставляя старые ветви скрипеть возле стен, а где-то под крышей временами раздавались негромкие щелчки оседающего дерева. Маркус устроился в кресле напротив дивана, положив револьвер рядом с собой, но вне досягаемости спящего ребёнка. Он не собирался доставать оружие без необходимости, однако после всего пережитого не мог позволить себе остаться совершенно беззащитным в незнакомом месте.

Постепенно тепло печи начало действовать на измученное тело. Мужчина чувствовал, как тяжелеют веки, а мышцы понемногу расслабляются после долгого путешествия. Ему хотелось хотя бы на несколько часов забыть об опасности, боли в ранах и мучительных воспоминаниях. Но стоило закрыть глаза, как сознание вновь возвращалось к подвалу, толпе вооружённых людей и последним минутам жизни Оливии. В какой-то момент Маркус поймал себя на том, что прислушивается не столько к окружающим звукам, сколько к собственным воспоминаниям, будто ожидал снова услышать те страшные голоса.

Он осторожно поднялся, подошёл к окну и выглянул во двор. Поляна была освещена слабым лунным светом, а за сараем тянулась густая тёмная полоса деревьев. Никакого движения не наблюдалось. Мужчина уже собирался вернуться в кресло, когда заметил короткую светлую полоску между досками хозяйственной постройки. Она появилась всего на мгновение, словно кто-то приоткрыл дверь или повернул небольшой фонарь, а затем сразу исчезла.

Маркус замер возле окна.

Он прекрасно понимал, что подобный свет не мог возникнуть случайно. Лунные лучи были слишком слабыми, чтобы создать такое яркое отражение, а положение сарая исключало попадание света из печи. Значит, возле постройки действительно находился человек. Возможно, тот самый хозяин, которому принадлежал дом. Возможно, кто-то другой, обнаружив-

ший чужаков и решивший понаблюдать за ними, прежде чем предпринимать какие-либо действия.

Мужчина несколько минут всматривался в темноту, но больше ничего подозрительного не заметил. Ему хотелось выйти наружу, проверить сарай и убедиться, что неизвестный не представляет угрозы. Однако мысль о необходимости оставить спящего Оливера одного заставила отказаться от такого решения. Если человек возле сарая действительно был хозяином, то Маркус и без того поставил его в крайне неприятное положение, заняв дом без разрешения. Появление вооружённого незнакомца во дворе могло лишь усугубить ситуацию.

Он медленно отступил от окна и вернулся к дивану.

Оливер неожиданно пошевелился, осторожно протянул руку и начал искать отцовские пальцы. Маркус сразу присел рядом, но мальчик не успокоился, а продолжал прислушиваться к чему-то за пределами комнаты.

— Пап, здесь кто-то ходит? — тихо спросил он.

Мужчина почувствовал, как напряглись мышцы спины.

— Почему ты так думаешь?

Оливер немного повернул голову в сторону коридора и объяснил, что слышал шаги, которые не были похожи на отцовские. Они доносились из глубины дома, почти неслышные, однако мальчик успел различить короткий скрип половиц и характерный звук тяжёлой обуви по деревянному полу.

Маркус осторожно поднялся.

— Возможно, тебе показалось, малыш. Дом старый, дерево иногда скрипит само по себе. Но я всё равно проверю, хорошо? Ты пока полежи, а если что-нибудь услышишь, сразу зови меня.

Оливер неохотно согласился, но попросил не уходить далеко.

Мужчина медленно направился к коридору, стараясь не создавать лишнего шума. За пределами гостиной было значительно темнее. Слабый свет печи почти не достигал дальней стены, а небольшое окно возле лестницы пропускало лишь едва заметное лунное сияние. Маркус остановился, прислушался и некоторое время стоял неподвижно, пытаясь различить среди обычных звуков дома что-нибудь необычное.

Тишина казалась полной.

Он уже собирался вернуться к сыну, когда из дальнего конца коридора донёсся негромкий стук. Звук оказался слишком отчётливым и коротким, чтобы принять его за треск древесины. Маркус насторожился, медленно повернул голову и понял, что стук раздался со стороны запертой комнаты, которую он обнаружил во время вечернего осмотра.

Осторожно приблизившись, мужчина остановился в нескольких шагах от двери. Она оставалась закрытой, замок находился на прежнем месте, а узкая щель между полотном и полом не пропускала ни малейшего света. Маркус сделал ещё один шаг, стараясь двигаться как можно тише, но старая половица предательски скрипнула под его тяжестью. Он замер, прислушиваясь к возможному движению за дверью.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем внутри послышался слабый шорох, словно кто-то осторожно передвинул небольшой предмет по деревянной поверхности.

Маркус почувствовал, как сердце забилось быстрее. Теперь он почти не сомневался, что за дверью может находиться человек. Но почему тот не откликается? Почему не вышел, когда Маркус несколько раз звал хозяев? Неужели незнакомец находился в доме с самого начала?

Мужчина осторожно поднял руку и постучал.

— Простите, если вы здесь, пожалуйста, ответьте, — произнёс он достаточно громко, чтобы его могли услышать по другую сторону двери. — Меня зовут Маркус. Я вошёл в дом без разрешения, потому что мой сын тяжело ранен. Мы несколько дней шли через лес, и сегодня

ему стало совсем плохо. Мне очень жаль, что пришлось воспользоваться вашими вещами, но у нас действительно не было другого выхода.

Он замолчал, ожидая ответа. За дверью по-прежнему стояла тишина, однако теперь мужчине казалось, что неизвестный человек внимательно слушает каждое слово.

— Я оставил записку на кухне, — продолжил Маркус после небольшой паузы. — Взял немного воды, еды и перевязочных материалов. Всё остальное осталось на своих местах. Если вы хозяин, я готов уйти, как только найду безопасное место для ребёнка. Мне не нужны ваши запасы или имущество. Только помогите понять, где можно найти врача. Моему сыну семь лет, у него тяжёлые повреждения глаз и высокая температура. Я боюсь, что без лечения он долго не протянет.

Ответа не последовало.

Маркус ещё некоторое время стоял возле двери. Ему хотелось попробовать открыть её силой, заставить неизвестного человека хотя бы объяснить своё присутствие, но он остановился. Возможно, незнакомец испытывал такой же страх, какой испытывал сам Маркус после плена. Если человек действительно жил здесь, он имел полное право не доверять вооружённому чужаку, появившемуся посреди ночи с больным ребёнком. Мужчина понимал, что любое проявление агрессии сейчас окончательно разрушит возможность спокойного разговора.

Он осторожно отступил.

— Я не стану ломать дверь, — тихо добавил Маркус. — И не собираюсь причинять вам вред. Мы просто хотим пережить эту ночь. Надеюсь, утром у нас получится поговорить.

Вернувшись в гостиную, мужчина обнаружил, что Оливер уже сидит на диване, прижимая к груди свою маленькую машинку. Мальчик услышал отцовские шаги, повернул голову в его сторону и сразу спросил, удалось ли поговорить с хозяином. Маркус объяснил, что пока никто не ответил, но он оставил сообщение и надеется, что незнакомец его услышал.

Оливер немного задумался, затем осторожно спросил:

— Пап, а он нас боится?

Маркус присел рядом.

— Возможно. Мы ведь тоже не знаем, кто здесь живёт. А хозяин, наверное, не знает, кто мы и откуда пришли.

Мальчик некоторое время молчал, перебирая пальцами край покрывала. Затем осторожно придвинулся к отцу и попросил передать незнакомцу, что они хорошие люди и не собираются ничего у него отнимать. Маркус почувствовал знакомую боль в груди. В этом мире даже ребёнок начинал понимать, насколько трудно стало доверять друг другу. Оливер не мог знать, что человек за дверью думает о незваных гостях, но всё равно хотел объяснить ему самое важное: они пришли не причинять зло, а искать помощи.

Маркус обнял сына и пообещал, что обязательно расскажет хозяину обо всём, когда представится возможность.

Постепенно мальчик успокоился. Он попросил отца не уходить далеко, пока не заснёт, и снова устроился на подушке, прижимая к себе машинку. Мужчина осторожно поправил покрывало, проверил, не сползла ли повязка, и остался сидеть рядом, пока дыхание ребёнка не стало ровным.

За окнами усилился ветер. Деревья раскачивались над крышей, иногда ветви задевали деревянные стены, а в печи постепенно угасали последние языки пламени. Маркус смотрел на спящего сына и думал о том, насколько странно изменились его представления о счастье. Когда-то он считал, что человеку необходимы дом, работа, уверенность в завтрашнем дне и возможность спокойно заботиться о семье. Теперь он был готов отказаться почти от всего, лишь бы Оливер выжил и однажды снова смог жить без постоянной боли.

Ему вспомнилась Оливия. Она всегда верила, что даже после катастрофы люди обязаны сохранять человечность. Иногда эта вера казалась Маркусу слишком наивной, особенно когда

приходилось слышать очередные истории о нападениях на поселения и исчезнувших торговых караванах. Но жена неизменно отвечала, что если перестать доверять всем без исключения, никакого будущего построить не получится. Останутся только стены, оружие и страх, за которыми каждый человек будет постепенно превращаться в пленника собственного дома.

Теперь Маркус сидел в чужой гостиной и впервые за последние дни отчаянно надеялся, что Оливия была права.

Время тянулось медленно. Огонь в печи постепенно угасал, оставляя в комнате всё меньше тепла, а снаружи раскачивались деревья, чьи ветви время от времени задевали стены. Маркус сидел возле спящего сына и пытался убедить себя, что многочисленные шорохи объясняются старостью дома. Однако мысли постоянно возвращались к запертой комнате, свежим следам возле крыльца и короткому отблеску света, который он заметил возле сарая.

Он не сомневался, что где-то совсем рядом находится человек, который знает об их присутствии.

Возможно, тот наблюдал за ними с самого начала.

Маркус осторожно откинулся на спинку кресла, чувствуя, как тяжелеют веки. Усталость постепенно побеждала тревогу. Он уже почти задремал, когда из глубины коридора вновь раздался знакомый металлический щелчок.

Мужчина мгновенно открыл глаза.

Звук был коротким, едва различимым, но слишком определённым, чтобы принять его за обычный скрип деревянных конструкций. Маркус медленно повернул голову в сторону коридора, стараясь не делать резких движений, и заметил то, чего прежде там не было.

Под дальней дверью появилась узкая полоска света.

Она продержалась всего несколько секунд, затем исчезла, словно кто-то осторожно прикрыл источник освещения или повернулся с фонарём в глубину комнаты.

Маркус замер.

Теперь уже невозможно было объяснять происходящее усталостью, ночным ветром или случайными звуками старого дома.

За дверью действительно кто-то находился.

Этот человек, судя по всему, прекрасно понимал, что в его жилище укрылись незнакомец и тяжелораненый ребёнок. Но по какой-то причине не спешил показываться и предпочитал оставаться невидимым, наблюдая за происходящим из укрытия.

Маркус осторожно посмотрел на Оливера. Мальчик продолжал спать, повернувшись к стене и прижимая к груди маленькую машинку. Его дыхание оставалось тяжёлым, но достаточно ровным, а чистая повязка закрывала лицо, на котором ещё недавно отец мог видеть беззаботную детскую улыбку.

Мужчина медленно поднялся с кресла, однако не направился к коридору. Вместо этого он осторожно приблизился к сыну, поправил одеяло и сел рядом, стараясь не потревожить его сон. Сейчас ему не хотелось ни выяснять отношения с неизвестным хозяином, ни проверять запертую комнату, ни искать объяснения странным звукам. Прежде всего он обязан был сохранить единственное, ради чего продолжал бороться.

За окном начинался новый дождь. Первые капли осторожно застучали по крыше, затем шум постепенно усилился, заполняя дом ровным шелестом. Маркус прислушивался к нему и думал, что этой ночью им хотя бы не придётся прятаться под мокрыми ветвями или искать сухое место среди холодных камней.

У них была крыша над головой.

Немного еды.

Чистая вода.

И возможность выспаться на настоящем диване.

Всё это принадлежало незнакомому человеку, который, возможно, находился всего в нескольких шагах от них и пока не решил, как поступить с непрошеными гостями.

Маркус осторожно взял сына за руку.

Он не знал, что ждёт их утром, позволит ли хозяин остаться и сумеет ли подсказать дорогу к врачу. Не знал даже, окажется ли этот человек другом или новой угрозой. Но впервые после гибели Оливии у него появилась возможность хотя бы ненадолго перестать думать исключительно о следующем часе и представить, что впереди может существовать нечто большее, чем бесконечное бегство.

Мужчина осторожно наклонился к сыну и тихо произнёс:

— Мы ещё поборемся, малыш. Я не знаю, сколько нам предстоит пройти, но я обязательно найду способ тебе помочь.

Оливер не проснулся. Только немного пошевелился, словно услышал знакомый голос сквозь сон, и крепче сжал отцовские пальцы.

Маркус остался сидеть рядом, прислушиваясь к дождю и редкому потрескиванию остывающих поленьев.

Он ещё не знал, что найденный среди леса дом станет для них гораздо большим, чем случайное убежище на одну ночь. И совершенно не представлял, насколько сильно изменится его жизнь после встречи с человеком, который пока предпочитал оставаться за запертой дверью.

Но сейчас у него впервые за долгое время была причина ждать наступления утра не только со страхом, но и с надеждой.

Конец главы 3 «Цена надежды».